

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

А. Н. Домановский, М. Е. Домановская

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ВИЗАНТИНИСТИКЕ, ЗАЩИЩЕННЫХ В УКРАИНЕ В 2009–2011 гг.

Важной задачей современной украинской византистики остается создание общего информационного и институционального поля, профессиональной среды, которое бы объединяло специалистов-византинистов из разных регионов Украины, определенным образом интегрировало их научные исследования, посвященные, несмотря на дисциплинарное и тематическое разнообразие, исследованию различных аспектов Византийской цивилизации как во времена существования Византийской империи, так и после ее гибели (работы по тематике, которую после исследования румынского исследователя Н. Йорги¹ традиционно обозначают «Византия после Византии»). Необходимость подобной интеграции определяет уже сама природа византиноведения как дисциплины, которую невозможно разделить на отдельные направления – филологическое, историческое, искусствоведческое, теологическое и т. д. Византинист при этом должен очень хорошо знать свою главную специальность, и просто хорошо – все «соседние» дисциплины византиноведческого круга.

К сожалению, отсутствие целостного профессионального византинистического информационного поля в Украине, или, точнее, его фрагментированность, нередко приводит к поспешным утверждениям об отсутствии украинской византистики как таковой вообще. Например, в недавнем интервью исследовательница истории Украины эпохи раннего модерна Н. Яковенко, известная общественности историков рядом знаковых для отечественной историографии книг², выразила, в частности, следующее: «По всей Украине не существует такой науки, которая называется византология. Есть только отдельные ее ростки ..., но этого же недостаточно, чтобы провести конференцию. Мне это кажется огромным упущением, потому что в Украине не развивается, не культивируется анализ тех связей и того великого культурного контекста, в который была втянута Русь из перспективы византийской политологии. Киевская Русь сформировалась под знаком византийской культуры, цивилизации, духовности, церкви и т. д. Этим вопросам посвящена богатейшая литература. Не уверена, что эта литература уложилась бы только в библиографический список, поместившийся в несколько толстенных томов, – это международная проблема. Но, к сожалению, она именно международная, а не украинская»³.

Слишком категоричное утверждение Н. Яковенко стало предметом активного обсуждения среди специалистов-византистов в комментариях к «византинистической» части интервью исследовательницы, которая была перепечатана на сайте «Василевс. Украинская византистика»⁴. Уже сам этот обмен мнениями должным образом показал не только существование украинской византистики, ее тематическое и географическое разнообразие, но и потребность исследователей-византистов в общей интеллектуальной среде, способной стать действенным механизмом содействия (по крайней мере, информационного, если не институционально-организационного) развитию византинистических студий в Украине.

Во многом из-за отсутствия профессиональной среды, а не только из-за почти полного отсутствия финансирования, талантливые украинские специалисты ориентируются на контакты с зарубежными специалистами и на зарубежные византинистические центры. Они не видят никакой перспективы и возможности для работы в Украине, как, например, выпускница Львовского национального университета имени Ивана Франко Екатерина Ковальчук: «В Украине вообще нет университетов, где этим занимаются. Есть некоторые кафедры, где только преподают византистику. С моим профилем очень ограничены возможности. Все университеты мне отказывают. А на другие работы не берут, потому что говорят, что мне будет неинтересно с таким образованием»⁵. После окончания родного вуза К. Ковальчук продолжила византинистические студии в Оксфорде и Центральном европейском университете в Будапеште, а затем, не найдя никаких возможностей для продолжения своих исследований в Украине, отбыла в США и Швейцарию⁶.

Учитывая это обстоятельство, актуальными остаются любые попытки создания общего информационного поля украинской византистики, одной из форм которого стал проект византинистического сайта «Василевс. Украинская византистика» (<http://byzantina.wordpress.com>). Важным его разделом является страница, посвященная защите византиноведческих диссертаций в Украине («Защита диссертаций»⁷), содержащая перелинковку на аннотации и авторефераты диссертационных исследований. Заметим, что на сайте их насчитывается более сорока с 1998 г., и уже само довольно значительное количество исследований за последние 15 лет в такой сложной «орхидейной» дисциплине как византистика, несмотря разный уровень и качество самих работ, убедительно свидетельствует, что украинская наука о Византии существует и имеет перспективы для дальнейшего развития. Интересно отметить тот момент, что благодаря оперативному обновлению сайта, информация о нескольких новых диссертациях, которые защищались в 2011 г., появлялась на сайте заблаговременно, еще до защиты. Сопровождаемая полным электронным текстом автореферата, она позволяла всем заинтересованным специалистам оперативно отреагировать на событие, подготовив официальный отзыв на автореферат. Считаем это прецедентом формирования тематического сообщества ученых, которое с помощью современных средств коммуникации способно применять значительно более действенные механизмы информирования, чем традиционно предусмотренная требованиями по защите диссертаций рассылка авторе-

ферата в ведущие библиотеки Украины и зарубежья по так называемому «обязательному» списку.

Важным аспектом формирования и самоосознания украинской византистики являются также исследования историографического плана, которые призваны очертить основную проблематику современного украинского византиноведения и оценить перспективы его дальнейшего развития на основании обзора диссертационных исследований, защищенных в последнее время в Украине. Под этим углом зрения предлагаемая статья, в которой анализируются диссертации по византистике, защищенные в 2009–2011 гг., хронологически и тематически продолжает предыдущую статью, охватывающую период 2007–2009 гг.⁸ При этом диссертации 2009 г., рассмотренные в предыдущей статье, здесь не анализируются, так же как нет необходимости повторно приводить и анализировать указанную там историографию⁹. Стоит отметить лишь несколько новых работ, вышедших уже после публикации статьи 2011 г.

Прежде всего, это подготовленный Институтом востоковедения имени Агатагела Крымского НАН Украины биобиблиографический словарь «Востоковедение и византология в Украине в именах»¹⁰. К сожалению, это издание лишь частично может быть пригодным для характеристики современной украинской византистики, поскольку в нем совсем не упомянуты не менее двадцати отечественных исследователей, причем не только недавно защищенные кандидаты наук, но и известные ученые. Несколько страниц о современном состоянии византистики в Украине содержится в специальном приложении к учебнику «История Византии. Введение в византистику»¹¹, однако, они, учитывая назначение текста, предельно обобщающие. О состоянии современного харьковского византиноведения в контексте истории византистики в Харькове в целом говорилось в совместном докладе А. Н. Домановского и С. Б. Сорочана, произнесенном на пленарном заседании XIX-й Всероссийской научной сессии византистов (Москва, 27 января 2011 г.)¹².

Отдельного упоминания заслуживает монографическое исследование В. Е. Гончаревского «Цивилизационный подход к истории: современный украинский опыт (1991–2009)»¹³. В нем справедливо отмечено, что византистика как предмет «является новым для высших учебных заведений Украины, ведь при советской власти византистика не изучалась ни в одном университете Украины»¹⁴, но почему-то «первой попыткой обобщить современное состояние византистики в украинской исторической науке»¹⁵ назван лекционный курс В. А. Балуха¹⁶, который, вне всякого сомнения, претендовать на эту роль никак не может¹⁷. Далее В. Е. Гончаревский характеризует украинскую византистику исключительно на основании упомянутого пособия, вдруг утверждая: «Отдельное направление отечественной медиевистики представляет изучение истории византийской цивилизации. Первой попыткой издания общей работы по этой проблематике стал лекционный курс В. А. Балуха»¹⁸. Общая характеристика современной украинской историографической палитры в области византиноведения сводится, в конечном счете, к утверждению: «Важным достижением отечественных историков стала разработка на основе использования цивилизационного подхода таких новых направлений, как история средневекового

Востока и византистики (история Византийской цивилизации)»¹⁹. Вряд ли такой общий вывод, сделанный без надлежащего знакомства с соответствующей историографией, можно признать достаточным для характеристики современного состояния византиноведения в Украине.

Более подробен С. В. Виднянский в статьях о современном состоянии отечественных исследований по всемирной истории, отмечая, что «византинистические и востоковедческие студии ... получили новое дыхание в независимой Украине»²⁰. Вопреки известному эвфемизму Я. Грицака, «история в Украине преимущественно остается историей Украины»²¹, эти работы свидетельствуют о постепенном развитии украинских исследований в области мировой истории. Конечно, учитывая общую тему статьи и предостережение о том, что «сделать полноценный анализ достижений, проблем и основных направлений работы отечественных историков-всемирников в одной статье – задача практически невыполнимая»²², С. В. Виднянский не имел целью детально охарактеризовать современное состояние украинской византистики. Он уделил ей всего несколько строк: «Создание в 1991 г. Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины, открытие Восточного отделения КНУ, кафедры востоковедения Львовского университета, основание в Харькове интересного научного журнала «Восток-Запад» (главный редактор В. Кравченко), новые публикации Н. Котляра, С. Малахова, А. Толочко, В. Рычки и других, даже научная дискуссия, развернувшаяся на страницах «Украинского гуманитарного обозрения» в конце 1990-х годов вокруг монографии Н. Никитенко, посвященной иконографическим изображением в Софии Киевской, способствовали повышению интереса к византинистическим студиям в Украине»²³. Как видим, исследователь выбрал для характеристики общего состояния украинской византистики важные, но все же второстепенные примеры, не упомянув, к сожалению, ни о региональных византинистических центрах, ни об известных украинских ученых, работающих в области византистики, с их незаурядными монографическими исследованиями, ни о периодических изданиях, в которых регулярно печатаются работы в этой сфере²⁴.

Наконец, следует также обратить внимание на информационные отчеты о научных конференциях украинских византистов, которые проводились в последнее время²⁵, и этим, собственно, новый историографический задел по проблематике статьи исчерпывается.

Итак, со времени издания нашей предыдущей публикации объем историографии фактически не пополнился существенный анализом современной ситуации в Украине в области византиноведения, и, тем более, в нем ничего не говорится о новейших диссертационных исследованиях в этой области. Это позволяет сосредоточить внимание именно на этом аспекте развития современной украинской византистики, не привлекая в настоящее время должного внимания исследователей. При этом, разумеется, статья не претендует на всесторонний анализ научного наследия каждого из диссертантов, что невозможно как из-за тематической специфики каждой диссертации, так и из-за отсутствия должной временной перспективы и «восприятия» результатов рассматриваемых исследований отечественной и мировой историографией. Речь пойдет только

о предварительной историографической характеристике, которая, надеемся, со временем будет уточнена, дополнена и детализирована.

Первым из исследований в области византистики, которое, к сожалению, не было своевременно учтено в предыдущей статье, нужно вспомнить защищенную 4 ноября 2009 г. в Институте востоковедения имени А. Ю. Крымского Национальной академии наук Украины кандидатскую диссертацию Алексея Викторовича Зинько «Этническая история Восточного Крыма (вторая половина III – середина VII в.)»²⁶. Обосновывая актуальность темы, автор справедливо отмечает отсутствие комплексного всестороннего исследования этнического состава населения Восточного Крыма (так называемой европейской части Боспорского царства) в эпоху поздней античности – раннего средневековья, в то время как «миграционные процессы, которые начались в середине III в., сыграли огромную роль в трансформации старых античных традиций и привели в результате крушения Боспорского государства к исчезновению основной этнической общности – греков-боспорян»²⁷.

При этом, однако, этнической истории позднеантичного – раннесредневекового Восточного Крыма уделялось немалое внимание в общей научной литературе по истории и археологии этого региона. Диссертант рассматривает ее по трем последовательным этапам: конец XIX – начало XX вв.; 30–70-е гг.; 80-е гг. XX – начало XXI в.²⁸ Труды первого этапа лишь вскользь касались проблематики диссертационного исследования. Однако уже тогда сложились две ведущие концепции этнической истории региона: континуитета развития и сохранения позиций греческого населения (Ю. А. Кулаковский) и подчеркивания значительных изменений в этнополитической ситуации в Боспорском государстве в IV–V вв. в результате варварских вторжений (М. И. Ростовцев, А. А. Васильев)²⁹. В советской исторической науке 1930-х – 1970-х гг. был развит именно второй подход с одновременным идеологическим акцентом на внутреннем социально-экономическом кризисе позднеантичного государства. Лишь на рубеже XX–XXI вв. появляются методологически и концептуально новаторские исследования этнополитической истории Восточного Крыма эпохи поздней античности – раннего средневековья, прежде всего в работах А. И. Айбабина³⁰, А. Г. Герцена, И. Н. Храпунова, А. В. Зинько, В. М. Зубаря и других известных историков и археологов.

Именно в русле современных научных исследований и с привлечением широкого круга доступных источников было осуществлено диссертационное исследование А. В. Зинько. В автореферате, к сожалению, источниковой базе диссертации уделено лишь несколько общих строк³¹, но важно подчеркнуть, что диссертант много лет лично участвовал в археологических исследованиях хоры Нимфея и городища Тиритака, выступал соавтором соответствующих археологических отчетов и публикаций материалов раскопок, что позволило ему привлечь в своей работе новейшие материалы. В условиях, когда круг давно и хорошо известных письменных источников и данных эпиграфики крайне ограничен, именно археологические данные приобретают особое значение, и их профессиональное привлечение и обработка является, вне всякого сомнения, сильной стороной диссертационного исследования.

Второй раздел «Население европейской части Боспорского царства во второй половине III–IV вв.»³² открывается противоречивым утверждением автора, которое создает впечатление, что Боспор в указанное время не только был тесно связан с поздней Римской империей «устойчивыми экономическими связями», но и входил в ее состав, не отличался от других регионов империи «системой дислокации многочисленных легионов и административно-правовым строем», что и привело здесь к «процессам этнической инфильтрации и ассимиляции»³³. Скорее всего, это просто неудачная формулировка, но, будучи приведенной в самом начале реферируемого раздела, она задает общий тон его восприятия и нивелирует специфику Боспора в глазах читателя. В дальнейшем, впрочем, А. В. Зинько справедливо замечает усиление сармато-аланского влияния в среде традиционного боспорского населения, основой которого был греческий политический и культурный компонент, и отмечает вторжения в регион Восточного Крыма новых варварских племен, прежде всего готов.

В защищенном в том же 2009 г. диссертационном исследовании Р. Н. Рейды «Готские» войны и античные государства Северного Причерноморья» автор также обращается к сюжетам этнической истории региона Восточного Крыма, отмечая: «С III в. инфильтрация негреческого населения на территории значительно увеличивается, что могло иметь следствием ослабление эллинизирующего влияния на растущий варварский компонент»³⁴. Действительно, несмотря на то, что состав населения городских и сельских поселений европейского Боспора оставался в это время преимущественно греческим, новоприбывшие этнические группы не растворялись в нем, а осуществляли определенный синтез, повлекший постепенное изменение всех сторон жизни и этнического типа боспорца, – так называемую варваризацию³⁵.

В третьем разделе диссертации «Боспор и варварские племена в V в.»³⁶ речь идет преимущественно о последствиях гуннских вторжений для населения Восточного Крыма. Как утверждает А. В. Зинько, местные поселения не пострадали во время вторжения гуннов на Крымский полуостров, а «гуннские» предметы в погребениях местных некрополей – следствие инфильтрации определенной группы пришлого этноса или даже просто заимствования его к материальной культуре боспорцев. Наконец, заключает исследователь, «расположение кочевнических гуннских захоронений в Восточном Крыму только к западу от Узунларского вала подтверждает факт функционирования этой линии обороны Боспорского государства еще в V в.»³⁷.

Интересным, учитывая тему статьи, является четвертый раздел: «Боспор под властью Византийской империи»³⁸. Очевидно, вслед за Н. И. Храпуновым³⁹, А. В. Зинько пишет в нем как о вхождении Боспора в состав империи при императоре Юстиниане I, так и о сохранении здесь позднеантичных муниципальных органов власти, подконтрольных имперской администрации⁴⁰. Борьба за Боспор между Византийской империей и гуннами привела, наконец, к значительному уменьшению количества боспорского населения, которое сконцентрировалось в четырех обособленных территориально-хозяйственных микрорайонах Восточного Крыма, ставших в последнее время предметом исследования Н. Н. Болгова⁴¹: 1) столичный район Пантикапея-Боспора с при-

легающими речными долинами северо-востока Керченского полуострова, 2) полоса вдоль южной части Керченского пролива с центром в г. Тиритака, 3) юго-восточная часть Керченского полуострова с центром в г. Китей, 4) полоса азовского побережья Восточного Крыма с несколькими сельскими поселениями⁴². В степной же части востока Крымского полуострова в это время раскинулись гуннские кочевья.

К сожалению, слишком схематично описывает диссертант этническую историю региона в VII в., после восстановления здесь в 590 г. византийской власти, утраченной в результате нападения тюрков в 576 г., что, разумеется, объясняется состоянием крайне бедных информацией источников. Боспорское население в настоящее время «доживало в полуразрушенных небольших городках и сельских хуторах вдоль Керченского пролива», а в конце VII в. на Боспоре устанавливается власть хазар, и сюда проникают группы населения, которое «входило в конгломерат племен Хазарского каганата»⁴³. Так же слишком упрощенными оказались и генерализованные выводы исследования⁴⁴, которые сводятся, в конечном итоге, к тому, что «растущий динамизм варварских нашествий-переселений, отсутствие поддержки и значительного притока населения из греко-византийского мира приводят не только к коллапсу Боспорского царства, но и к неуклонному сокращению численности боспорских греков, постоянному включению в этот этнический конгломерат представителей и целых групп различных варварских племен»⁴⁵. Как представляется, потенциал диссертационного исследования позволял сделать значительно более глубокие и оригинальные выводы.

19 января 2010 г. в Киевском славистическом университете состоялась защита историографической диссертации Всеволода Юрьевича Чеканова *«Византистика в Киевском университете Св. Владимира (вторая половина XIX – начало XX вв.)»*⁴⁶. Это уже второе диссертационное исследование, посвященное развитию византиноведения в пределах одного из высших учебных заведений Украины XIX в. – начала XX в. Первой стала работа О. В. Файды *«Византистика в Киевской Духовной Академии 1819–1919 гг.»*⁴⁷ и, странно, что В. Ю. Чеканов о ней не вспоминает.

Обосновывая актуальность своего исследования, В. Ю. Чеканов обуславливает выбор темы диссертации «необходимостью всестороннего изучения истории исторической науки в Университете Св. Владимира»⁴⁸, а не потребностями саморефлексии византиноведения как научной дисциплины, что, на наш взгляд, обедняет возможности для воплощения в жизнь практической цели работы – «способствовать возрождению в нем (Киевском университете – А. Д., М. Д.) византистики, практически исчезнувшей после 1917 г.»⁴⁹. Значительно глубже по сравнению с таким подходом выглядит обоснование темы диссертационного исследования, сделанное О. В. Файдой в упоминавшейся диссертации по истории византистики в Киевской Духовной Академии⁵⁰. Впрочем, В. Ю. Чеканову также удастся обратить внимание на важный аспект актуальности исследования, а именно на вопрос о возможности существования в Киевском университете XIX – начала XX в. византистической научно-исторической школы и на «закономерности развития университетской исторической

науки во второй половине XIX – начале XX вв.»⁵¹. На новом концептуальном уровне эти вопросы будут подняты автором уже после защиты диссертации в статье с красноречивым названием «Византистика в Киевском университете во второй половине XIX – начале XX вв.: «недоразвившаяся школа» или «особый вариант развития?»»⁵².

Поскольку византиноведение в Киевском университете исследуемого периода было представлено лишь тремя достойными внимания персоналиями – Ф. А. Терновским (1831–1884), Т. Д. Флоринским (1854–1919) и Ю. А. Кулаковским (1855–1919) – логика изложения неизбежно привела автора к выделению в структуре диссертации отдельного раздела о каждом из названных ученых. Это тем более оправдано, что в хронологических рамках работы В. Ю. Чеканов справедливо выделяет три важные этапы, каждый из которых связан с соответствующей персоналией:

1) До начала 80-х гг. – начало выделения византистики как отрасли исторической науки (П. А. Терновский)

2) 80-е гг. XIX в. – изучение истории Византии в русле славяноведческих исследований (Т. Д. Флоринский)

3) 90-е гг. XIX в. – 1917 г. – окончательное выделение византистики как самостоятельной отрасли исторической науки, осуществление чисто византиноведческих исследований и подготовка обобщающего труда по истории Византии (Ю. А. Кулаковский)⁵³.

В первом разделе, посвященном характеристике историографии и источниковой базы исследования, В. Ю. Чеканов основательно анализирует использованные источники, справедливо отдавая предпочтение опубликованным византинистическим научным изысканиям исследователей перед неизданными архивными материалами, состоящими преимущественно из документов служебного происхождения и личных писем. Последние имеют вспомогательное значение, поскольку неопубликованных исследовательских рукописей почти не сохранилось⁵⁴.

Зато далеко не полным является историографический обзор⁵⁵. С одной стороны, диссертант зачем-то упоминает, например, учебное пособие братьев А. П. и В. П. Коцур по историографии истории Украины⁵⁶, которое, вероятно, является первым, еще не «распухшим» (преимущественно за счет «творческих заимствований» из чужих работ) вариантом печально известного издания тех же авторов 1999 г.⁵⁷ Разве это сделано не в силу того, что А. П. Коцур выступал официальным оппонентом при защите диссертации?

С другой стороны, В. Ю. Чеканов забывает назвать важные труды Т. А. Щербань о Т. Д. Флоринском⁵⁸ или С. И. Лимана и С. Б. Сорочана о Ф. А. Терновском⁵⁹, которые по времени публикации должны быть учтены в диссертационном исследовании, представленном к защите конце 2009 г. Радует разве что упоминание о двух монографиях о Ю. А. Кулаковском авторства, соответственно, Л. В. Матвеевой⁶⁰ и А. А. Пучкова⁶¹, хотя и здесь В. Ю. Чеканов почему-то не отмечает, что первое издание труда А. А. Пучкова появилось еще в 1999 г.⁶² и не вспоминает о многочисленных статьях обоих названных исследователей о научном наследии Ю. А. Кулаковского. Впрочем, вполне возможно, этот недоста-

ток объясняется ограниченным объемом автореферата диссертации, которым мы вынуждены пользоваться в этом обзоре.

Второй раздел диссертационного исследования В. Ю. Чеканова посвящен анализу вклада Ф. А. Терновского в дело зарождения византиноведения в Киевском университете⁶³. Охарактеризовав в первом подразделе (правда, слишком упрощенно) общие условия становления научной византистики в Российской империи в середине XIX в., во втором исследователь останавливается на биографии и научно-преподавательской деятельности Филиппа Алексеевича, и, наконец, третий посвящает собственно византистическому наследию ученого, справедливо выделяя его докторскую диссертацию⁶⁴ как окончательное свидетельство перехода исследователя к византистическим студиям. Впрочем, отмечает далее диссертант, Ф. А. Терновский до конца жизни продолжал позиционировать себя как историка России и русской православной церкви⁶⁵, что, вероятно, было в то время обусловлено еще слишком слабым выделением собственно византистики как отдельной отрасли исторической науки.

В третьем разделе диссертации речь идет об исследовании трудов Т. Д. Флоринского в контексте развития отечественной византистики в 80-е гг XIX в.⁶⁶ После общей характеристики развития медиевистики и жизненного пути Тимофея Дмитриевича, третий подраздел В. Ю. Чеканов посвятил анализу византиноведческих работ ученого, главным предметом внимания которых были греко-славянские отношения на Балканах в XIV в. Итогом работы Т. Д. Флоринского в этой области стала докторская диссертация «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков» (1888 г.), в которой исследователь утверждал о перспективности не только духовного, но и политического греко-сербского синтеза, видел в двухполюсном государстве на основе Византийской империи и Сербского царства «мощь для цивилизационного подъема средневековых Балкан». Сосредоточение Сербии после смерти Стефана Душана на сугубо национальных интересах нанесло, по мнению ученого, «сокрушительный удар возможностям совместного сопротивления балканских стран турецкой агрессии во второй половине XIV в.». Интересно В. Ю. Чеканов объясняет отход Т. Д. Флоринского от византистики в пользу славянских исследований. Диссертант считает, что это произошло вследствие непринятия его выводов историографиями славянских стран, которые в то время стояли на позициях отстаивания национальных интересов⁶⁷.

Наконец, четвертый раздел диссертационного исследования посвящен характеристике византистического наследия Ю. А. Кулаковского⁶⁸. Охарактеризовав жизненный и творческий путь ученого, В. Ю. Чеканов выделяет две стадии работы Юлиана Андреевича как византиста: 1) стадия «малых» научных исследований (1895–1905 гг.); 2) стадия создания обобщающего труда по истории Византии (1906–1915 гг.), не завершенного из-за смерти исследователя в 1919 г. Истоками интереса ученого к Византии диссертант справедливо считает расширение круга научных интересов от истории Древнего Рима и участие с 1890 г. в раскопках на Крымском полуострове⁶⁹. К этому следует добавить бурное развитие тогдашней мировой и русской византистики, отмеченное

образованием профессиональных журналов «Byzantinische Zeitschrift» (1892 г.) и «Византийский временник» (1894 г.)

Далее В. Ю. Чеканов анализирует отдельные византинистические работы Ю. А. Кулаковского и критически оцененную современниками «Историю Византии». Спорным представляется утверждение диссертанта о том, что попытка Юлиана Андреевича создать обобщающую работу по истории Византии была невозможной в рамках позитивистской методологии, поскольку последняя якобы непригодна для обобщений⁷⁰. «История Византии» как раз и не смогла стать полноценным синтетическим трудом по истории Византийской империи из-за того, что ее автор отказался от обобщений и избегал выводов, ограничивался красноречиво многословным фактографическим описанием событий и хронологически упорядоченным «летописным» изложением истории по правлениям отдельных императоров». Так чем изложение Ю. А. Кулаковского отличается от доведенного до абсурда позитивизма, в котором «отказ от оценочных суждений привел к тому, что история стала восприниматься как описание внешних событий, а не мысли, из которых эти события возникали ... (Позитивистская историография – А. Д., М. Д.) прекрасно фиксирует и считает, но «не умеет объяснять»⁷¹?

Наконец в последнем, пятом разделе В. Ю. Чеканов отвечает на «вопрос о существовании византинистической школы в Киевском университете», приходя к выводу о невозможности утверждать наличие такой школы: «Исследования киевских византинистов носили обособленный друг от друга, иногда даже эпизодический характер, не имели общей цели и не опирались на использование единой методологии. Ни один из киевских византинистов не имел учеников, которые унаследовали бы эту проблематику непосредственно от учителя»⁷².

Заслуживают внимания выводы в диссертации⁷³, повторенные В. Ю. Чекановым в уже упомянутой обобщающей статье⁷⁴. Особенно интересны утверждения о том, что научные работы киевских византинистов, посвященные узкоспециальным вопросам, вели к «отрыву от участия в формировании концепции русской византистики (исследование аграрной и экономической истории Византии, попытка доказать ее родство с Европой)», «не способствовали утверждению российской византистики как национального варианта мировой»⁷⁵. Оторванность местных специалистов по истории Византии от украинской среды и украиноведческого контекста была очевидна, но вот их одновременная обособленность от российской науки, которую отмечает В. Ю. Чеканов⁷⁶, – это интересный феномен, который требует дополнительного определения, исследования и объяснения.

Весомые достижения в поиске ответа на вопрос о причинах своеобразия исследований по всемирной истории в подросийской Украине в XIX в. в контексте отечественной медиевистики в целом принадлежат *Сергею Ивановичу Лиману*. Его докторская диссертация «*Средневековые цивилизации Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы: опыт исследований в украинских землях Российской империи (1804 – первая половина 1880-х гг.)*»⁷⁷ была защищена 19 февраля 2010 г. в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина. Исследователь, в частности, отмечает, что «историософские системы

медиевистов Украины в наибольшей степени испытали влияние западных концепций», им был присущ «большой плюрализм мнений», который «выявился при изображении ими характерных признаков средневековья»⁷⁸.

Шестой раздел этого диссертационного исследования, подготовленный на основе многочисленных совместных исследований С. И. Лимана и С. Б. Сорочана⁷⁹, посвящен именно развитию византистики⁸⁰. В нем выделены два этапа становления отечественной византистики: 1) 1804–1860-е гг. (в монографии, написанной на основе диссертационного исследования, его поэтически названо «Ромейская увертюра»)⁸¹; 2) 1865–1885 гг. (в книге он назван «Орел Царьграда набирает высоту»)⁸².

В рамках первого периода вопросы истории Византии поднимались исследователями косвенно и частично, а сами научные работы могут быть разделены на три большие группы: 1) исследования по истории византийско-славянских отношений и вопросы влияния Византии на Русь, 2) работы краеведческого характера по истории тех регионов Украины, которые ранее входили в состав Империи ромеев (Крым), 3) специальные исследования по внутривизантийской и церковной истории Византии. Особый интерес представляют диссертация Н. А. Лавровского о византийской основе русско-византийских соглашений X в., книги А. П. Зернина о патриархе Фотии, императорах Василии I и Константине VII, Н. Н. Мурзакевича по истории Херсонеса и генуэзских колоний в Крыму⁸³.

Второй период стал временем окончательного выделения научной византистики в отдельную отрасль исторической науки. Вследствие распространения позитивистской методологии усиливается интерес к социально-экономической истории Византии, уменьшается удельный вес работ по истории византийской Церкви. Наиболее весомый вклад в развитие отечественной византистики в это время был сделан В. И. Григоровичем, В. К. Надлером, Ф. И. Успенским, Н. П. Кондаковым, Ф. А. Терновским, В. С. Иконниковым, М. С. Дриновым⁸⁴. Несмотря на то, что византистические школы сложились лишь в Новороссийском университете в Одессе и Киевской духовной академии, стоит обратить внимание на различие ситуации между Киевским и Харьковским университетами, в которых, по справедливому утверждению С. И. Лимана, на 1885 г. собственных школ византистики не возникло⁸⁵.

В. Ю. Чеканов предлагает использовать для обозначения киевской византистики второй половины XIX – начала XX в. понятие «отдельный вариант развития»⁸⁶. Можно дискутировать, насколько удачным является предлагаемый термин, но вряд ли следует спорить о необходимости введения в научный оборот специального понятия для обозначения феномена существования «объективных предпосылок развития в направлении создания школы, объединяющие определенную группу ученых», которые одновременно НЕ самоосознают себя как отдельную общность, не склонны к самоорганизации, и даже не выделяются современниками – внешними наблюдателями»⁸⁷. При этом совершенно очевидно, что ситуации в Киеве и Харькове в конце XIX в. – начале XX в. отличались: если в Киевском университете византистика как научное направление прекратила свое существование прежде всего из-за недоразвитости

до уровня школы, а не в результате «общественно-политических изменений вследствие революции»⁸⁸, то в Харьковском университете византистика гибнет не так из-за своей внутренней слабости, как ввиду трагических событий периода революции и гражданской войны, закрытия университета в 1920 г. и сугубо негативного отношения к византинистическим студиям со стороны официальной советской власти⁸⁹.

Конечно, это утверждение требует серьезного дополнительного обоснования, но уже сам факт преподавания харьковскими византистами специальных курсов по истории Византии говорит о многом. Так, из отчетов о состоянии и деятельности Харьковского университета за 1916 г. известно, что приват-доцент университета Е. А. Черноусов проводил со студентами старших курсов практические занятия по изучению памятников византийского законодательства, а один из его учеников, В. Зиборовский, совершил в то время перевод на русский язык «Книги Эпарха» и подготовил научное исследование «Время происхождения «Книги Эпарха». О мощности заложенных в это время предпосылок к окончательному оформлению харьковской школы византистики свидетельствует осуществленная В. Зиборовским попытка опубликовать свое исследование в Москве через 20 лет после его написания – в 1935 г., когда византистика не только в Харькове, но и повсеместно в СССР была фактически уничтожена⁹⁰.

Таким образом, отсутствие византинистической школы в Харьковском университете в середине 80-х гг. XIX в. вовсе не означает, что в это время не существовало предпосылок к ее возникновению. Именно достижения последней четверти XIX в. позволили византистам Харькова уже в начале XX в. вплотную приблизиться к созданию полноценной научной школы, которая, к сожалению, не возникла из-за сугубо внешних причин. Возрождение традиций харьковского византиноведения происходит только сейчас благодаря деятельности С. Б. Сорочана и его учеников по двум главным направлениям: исследования по социально-экономической истории Византии и всестороннее изучение истории византийского Херсона как одного из важных провинциальных городов империи⁹¹.

Именно в рамках второго направления *Михаилом Владимировичем Фоминым* было подготовлено диссертационное исследование «*Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.)*», представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук и защищенное в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина 12 марта 2010 г.⁹² Трудом, актуализировавшим изучение христианских захоронений в Херсонесе-Херсоне, как это отмечает в историографическом обзоре сам диссертант⁹³, стала статья С. Б. Сорочана «Гробничное дело в византийском Херсоне (VI–X вв.)»⁹⁴, которая, в доработанном виде, вошла в комплексное монографическое исследование по истории раннесредневекового византийского Херсона в виде раздела «Смерть в Херсоне»⁹⁵.

Обосновывая актуальность своего исследования, М. В. Фомин справедливо обращает внимание на тот факт, что на протяжении «всей истории научных раскопок главное внимание уделяли прежде античному некрополю, в то время

как средневековые кладбища оставались без должного внимания». Между тем именно исследование «погребальных обрядов и традиций, их развития, структуры, трансформации, пространственного расположения дает возможность проследить принципиально важные изменения в жизни города в эпоху перехода от поздней античности к средневековью. ... становление и развитие религиозных, социальных, политических, экономических, этнических процессов, происходивших в рамках конкретного ромейского центра»⁹⁶.

В первой главе диссертации М. В. Фомин характеризует историографию вопроса, его ключевую базу, методологию и методы⁹⁷. Сделанный им историографический обзор⁹⁸ наглядно свидетельствует о стремлении исследователей к работе с позднеантичными – раннехристианскими материалами, чаще всего не выходя за пределы IV–VI вв. Причем даже в этих хронологических рамках, во-первых, они не охватывают всей массы погребальных памятников и, во-вторых, уделяют погребальным памятникам внимание преимущественно в контексте поиска ответа на несколько традиционных вопросов: о времени возникновения в Херсоне раннехристианской общины, о времени возникновения расписных склепов и тому подобное. В то же время погребальным памятникам VII–X вв. внимание уделял, кроме уже упомянутого С. Б. Сорочана, разве что А. Л. Якобсон⁹⁹, выводы которого (особенно относительно этого периода) значительно устарели и требуют пересмотра.

Стоит заметить, что М. В. Фомин не упоминает в обзоре важного обобщающего издания «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века»¹⁰⁰ из фундаментальной серии «Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах», в котором разделы о Херсоне, в том числе с характеристикой захоронений¹⁰¹, были подготовлены А. И. Айбабиным. Необходимо также рассмотрение заключений исследователя в контексте диссертационного исследования А. В. Латышевой, подготовленного под руководством С. Б. Сорочана и защищенного 29 мая 2009 г.¹⁰² Особое значение для автора имеют подразделы ее исследования 4.5, в котором говорится о вопросах, связанных с захоронением, и 5.4, где рассматриваются особенности мемориального и мартыриального культов в Херсоне. Впрочем, моменты, намеченные А. В. Латышевой, учитывая общую тему ее исследования, лишь пунктирно и косвенно, М. В. Фомин рассматривает основательно, привлекая весь комплекс доступных на сегодня источников.

В источниковедческом обзоре¹⁰³ главное внимание закономерно уделено археологическим памятникам, а также данным нумизматики, письменным, прежде всего, агиографическим источникам, эпиграфике и антропологическим материалам. В автореферате отчетливо недостает надлежащей оценки информативного потенциала различных групп источников, что обусловлено его ограниченным объемом, и только монография отчасти компенсирует этот недостаток¹⁰⁴.

Во втором разделе «Погребальная традиция и захоронения в раннехристианском Херсонесе (IV–V вв.)»¹⁰⁵ М. В. Фомин анализирует, прежде всего, возникновение раннехристианского кладбища и формирование христианского погребального обряда и традиции. Христианское кладбище возникает на той же территории, что и позднеантичный некрополь, и включает три кладбища –

Западное, Южное и Юго-Восточное. На них использовались те же типы погребальных сооружений, что и раньше: коллективные склепы и одиночные могилы различных типов. Важны подсчеты, произведенные исследователем на основании обобщения известных на сегодня археологических материалов: наиболее многочисленными были обычные грунтовые могилы – 82% от общего количества захоронений, 15% процентов составляли склепы, и еще около 2,5% – подбойные могилы, анализ погребального инвентаря и надгробий¹⁰⁶. Интересным является вывод о потере надмогильными памятниками их значения в связи с распространением традиции коллективных захоронений и поминальных списков при церквях, приходам которых принадлежали покойные. Вероятно, исчезновение надгробий может быть связано с рассмотренным автором в следующем подразделе распространением среди жителей Херсона христианских представлений о смерти как рождении человека «в жизнь вечную»¹⁰⁷.

Важны четвертый и пятый подразделы, в которых, соответственно, речь идет о формировании сакрального пространства раннехристианского некрополя Херсонеса, становлении и распространении раннехристианского погребального обряда на протяжении IV–V вв.¹⁰⁸

Наконец, наиболее научно значимым является третий раздел диссертационного исследования «Погребальная традиция и захоронения в византийском Херсоне в VI–X вв.»¹⁰⁹. Указанный период крайне редко привлекает внимание ученых, и если позднеантичные – раннехристианские сюжеты формирования городского некрополя интенсивно исследовались, то вопросы, связанные с развитием погребальной традиции и функционированием городских кладбищ уже после распространения, победы и закрепления христианства в Херсоне, почти не рассматривались. Неудивительно, что в очерках по археологии Херсона VIII–IX вв. в X – первой половине XIII в. из уже упоминавшегося издания «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века» об археологических исследованиях захоронений ничего не сказано¹¹⁰.

Одной из самых распространенных форм погребальных сооружений в это время продолжали оставаться склепы, как те, что продолжали использоваться с позднеантичной эпохи, так и вновь построенные. Некоторые из них содержали останки десятков и даже сотен погребенных. Значительно обеднел погребальный инвентарь, хотя до VII в. включительно в захоронениях встречались бытовые вещи, простые украшения и стеклянные бальзамарии. Важным является утверждение автора о существовании специального участка городского кладбища южнее загородного крестообразного храма Богородицы Влахернской, где хоронили преимущественно представителей духовенства¹¹¹. Хоронили архиереев, иереев, монахов и иногда знатных лиц также в часовнях-кимитириях (своеобразных «крытых кладбищах») при крупнейших базиликах города¹¹². Дискуссионным остается предположение М. В. Фомина о том, что, по аналогии с Константинополем, в Херсоне «захоронения и погребальные процессии должны были организовываться за счет отчислений эргастриев, которые имели налоговые льготы»¹¹³ и которых было около двадцати¹¹⁴. Вряд ли во многом уникальную ситуацию, присущую столице Византийской империи, можно, без дополнительных доказательств и соответствующих оговорок переносить на

один из ромейских провинциальных городских центров. С таким же успехом можем предположить, что расходы, связанные с организацией погребения, ложились на плечи родных и близких покойного.

В итоге вполне убедительным представляется главный вывод диссертанта о том, что «христианская похоронная традиция, чинопоследование и обряд полностью сформировались в Херсоне к X в.»¹¹⁵, и в это время «заканчивается эволюция христианского погребального обряда и связанных с ним традиций»¹¹⁶.

Следующее диссертационное исследование также посвящено истории и археологии Херсона византийской эпохи. Это защищенная 16 июня 2010 г. в Днепропетровском национальном университете имени Олеса Гончара диссертация *Вадима Вадимовича Хапаева «Византийский Херсон во второй половине X – первой половине XI в.: проблема разрушения города»*¹¹⁷, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Актуальность диссертационного исследования В. В. Хапаева не вызывает никаких сомнений, поскольку автор впервые в историографии поднимает проблему массовых разрушений и пожаров на городище Херсонеса на грани X–XI вв. на основании комплексного анализа всех известных на сегодня источников. Внимание к вопросу вполне актуально, поскольку в историографии существует минимум пять объяснений причин разрушений на городище Херсона, проанализированных автором в подразделе 1.2: захват города Владимиром во время похода на Корсунь в 988–989 гг., нападение печенегов, столкновение с хазарским полководцем Песахом в 920-е – 940-е гг., карательная экспедиция византийских военачальников Монга и Сфенга в 1016 г. против восставшего стратига Херсона Георгия Цулы¹¹⁸. При этом ни одна из предложенных гипотез не может считаться окончательно доказанной, что требует осуществления специального исследования с целью выяснения масштабов и характерных особенностей разрушения города, причин и времени их возникновения. «Выяснение причин разрушений, – справедливо утверждает автор, – а также их последствий, позволяет более корректно интерпретировать характер взаимоотношений между основными политическими силами, действовавшими в Причерноморье на рубеже I и II тысячелетий и, соответственно, уточнить представления о ходе исторического процесса в регионе Черного моря в этот период»¹¹⁹.

Дополнительной ценности и веса научной работе придает то, что она написана на стыке археологии, всемирной истории и истории Украины. Последнее особенно важно, поскольку одним из важнейших сюжетов русско-византийских отношений конца X в. является Корсунский поход князя Владимира, и выяснения всех его обстоятельств – важная задача исторической науки. Вполне закономерно в связи с этим, что, анализируя историографию исследуемого вопроса, В. В. Хапаев выделяет специальный отдельный подраздел 1.1 «Историография истории «Корсунского похода» князя Владимира и его последствий для византийского Херсона»¹²⁰, в котором фактически исчерпывающе анализирует взгляды историков на причины, ход и последствия этого военного похода русского правителя. Так же основательными являются два источниковедческих подраздела диссертации, в которых рассмотрены письменные и археологические источники вопроса¹²¹.

Второй раздел диссертационного исследования «Датировка разрушения византийского Херсона»¹²² разделен автором на две части, первая из которых посвящена вопросам датировки военных действий на территории фемы Херсон в середине X – первой половине XI в. по показаниям письменных источников, а вторая – датировке разрушений городища Херсона по археологическим источникам. Как утверждает исследователь, только один источник – армянский вариант Жития св. Стефана Сурожского – вспоминает о разрушении города, приписывая его некоему полководцу Пролису (возможно, имеется в виду Песах). При этом данные памятника не подтверждаются никакой информацией других, достоверных источников¹²³.

Поскольку, по данным письменных источников, город не претерпел разрушений и во время Корсунского похода Владимира, как *terminus post quem* разрушения византийского Херсона В. В. Хапаев выдвигает 988 г. *Terminus ante quem* – 1016 г. – диссертант определяет благодаря находке моливдовула стратига Херсона Георгия Цулы в слое разрушения. Поскольку письменные источники не упоминают о разрушении города во время карательной экспедиции 1016 г., а сам мятежник, скорее всего, находился на Боспоре, это, по мнению ученого, свидетельствует, что до 1016 г. «город, вероятно, было уже в руинах»¹²⁴. Дальнейшее сужение хронологических рамок происходит благодаря анализу керамики и закрытых монетных комплексов из слоя разрушения, что позволяет датировать разрушение Херсона первым десятилетием XI в.¹²⁵ Поскольку на это время, по данным письменных источников, никакие военные действия не приходится, это дает основания объяснять разрушение Херсона природными факторами, а именно землетрясением.

В третьем разделе диссертации «Масштабы, характер, причины и последствия разрушения византийского Херсона»¹²⁶ В. В. Хапаев оценивает мощность и характер разрушения города, приходя к выводу о всеохватности разрушения: «Уничтожены практически все жилые постройки, храмы, расположенные на мягких грунтах или склонах рельефа, повреждены или разрушены участки оборонительных стен, построенных на песке или скальном обрыве»¹²⁷. Это позволяет утверждать, что причиной катастрофы стало масштабное землетрясение, поскольку уцелевшими оказались храмы, воздвигнутые в ровном скальном основании, за исключением Западной базилики (№ 13). В пользу гипотезы о землетрясении свидетельствует также массовый переход жителей города к возведению домов по так называемой «анатолийской» технике, которая «предусматривает строительство жилых домов из мелкого бута на грязевом растворе с прокладкой перевязанных между собой по углам здания деревянных лежней и является сейсмически устойчивой строительной технологией»¹²⁸. В подразделе 3.2 исследователь подытоживает доказательства в пользу того, что причиной разрушения было именно землетрясение, определяя его эпицентр в черноморско-крымской сейсмоzone 2 (Ялтинской) с разрушительным действием на Херсон 8 баллов по шкале MSK-64.

Наконец, в третьем разделе говорится о разрушении Херсона и его последствиях в контексте русско-византийских отношений второй половины X – начала XI в.¹²⁹ В. В. Хапаев выходит за рамки темы диссертации, поэтому отдель-

ные его выводы представляются дискуссионными и требуют основательного подтверждения свидетельствам источников. В частности, требует весомых объяснений сделанное на основании русско-византийских договоров 945 и 971 гг. утверждение о чисто враждебных отношениях между херсонитами и русами и о том, что «собственной торговли через Херсон росы не вели и в городе не жили»¹³⁰. Так же требует отдельного рассмотрения предположение диссертанта о том, что упоминаемый в летописной традиции «греческий философ», прибывший к Владимиру просить военной помощи, был посланником не Василия II, а мятежника Варды Склира. Соответственно, никаких обещаний относительно брака Владимира с Порфирородной Анной со стороны императора не было, а «переговоры о браке Владимира и Анны начались после захвата росами Херсона»¹³¹.

В целом же профессиональная работа с различными видами исторических источников и критический анализ историографии позволили В. В. Хапаеву глубоко исследовать проблему разрушения византийского Херсона во второй половине X – первой половине XI в. и сделать ряд обоснованных выводов, представляющих высокую научную ценность. Прежде всего, это убедительные доказательства в пользу гипотезы о том, что причиной разрушения города стало мощное землетрясение, которое, по уточненной датировке диссертанта, полученной путем сопоставления данных различных исторических источников, произошло в первом десятилетии XI в. И это – не считая многочисленных, условно говоря, «мелких» интересных и важных наблюдений и выводов автора. Так, скажем, вполне убедительным представляется опровержение традиционного представления о закрытых монетных комплексах рубежа X – XI вв. как о «скрытых кладях» и доказательство того, что «все они являются комплексами быстрого накопления и не собирались с целью хранения как сокровища»¹³², так же как и опровержение устаревших в историографии идей о «сепаратизме» и антиимперских настроениях, которые будто бы господствовали в Херсоне и его округе. В. В. Хапаев приходит к выводу, что «жители разрушенного Херсона не участвовали в «восстании Георгия Чулы» 1016 г., которое состоялось, скорее, на Боспоре»¹³³.

К сожалению, из автореферата невозможно узнать, об общем смысле 19 таблиц и 9 текстовых материалов, о которых вскользь упомянуто в пункте о структуре диссертации¹³⁴, и которые, очевидно, имеют важное значение. Как представляется, стоило бы, по крайней мере, привести их названия.

Русско-византийским отношениям посвящено также диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук *Александра Михайловича Филипчака «Русы среди «войск народов» в Византии IX–XI вв.: наемники и союзники»*¹³⁵, защита которого состоялась 17 сентября 2010 г. в Черновицком национальном университете имени Юрия Федьковича. Эта работа является тематически близкой к диссертации О. М. Лугового «Росы и варанги в Византии X–XII вв.: формирование и структурная роль наемного военного контингента», защищенной в Одессе в 2008 г.¹³⁶

Исследования, несомненно, отчасти пересекаются как по своей цели, так и по задачам, однако в целом они принципиально отличны, прежде всего,

благодаря акцентированию и фокусировке исследовательского видения научной проблематики, связанной с пребыванием групп наемников и союзников на византийской службе. Это ярко проявляется уже в обосновании актуальности.

О. М. Луговой подходит к вопросу в традиционном русле предыдущих исследований, начатых еще в XIX в. В. Г. Васильевским. Он не слишком конкретизирует и ограничивается упоминанием о том, что «структурные ... вопросы (пребывания наемников на службе в Византии – А. Д., М. Д.) ставились лишь частично и получали преимущественно фрагментарное освещение»¹³⁷. Его обоснование актуальности темы исследования преимущественно историографическое, и, к тому же, не лишено мало оправданной модернизации: «Поскольку в XXI в. наемная профессиональная армия становится основным типом армий стран мира, актуализируется исследование истории профессиональной армии»¹³⁸. Наконец, оно довольно абстрактное и не позволяет предусмотреть конкретной исследовательской стратегии, особенно в отношении древнерусского контекста: «Военное наемничество в Византии является существенным явлением истории развитого средневековья, важным и для соответствующего периода истории Украины. Тем не менее, оно не отражено в современной украинской историографии. Изучение участия воинов из Восточной Европы в действиях византийской армии наравне с воинами ряда других европейских стран дает возможность выяснить еще один важный аспект европейского контекста истории Украины (выделено нами – А. Д., М. Д.)»¹³⁹.

Обоснование актуальности темы А. М. Филипчуком проблемное, оно не только декларативно, но и *de facto* «изменяет фокус», перенося главное внимание не только на наемников, но и на союзников на византийской службе, сознательно порывая с «предыдущей научной традицией» и прибегая к «сравнительному анализу социальных групп наемников и союзников среди «войск народов» Византии. Из исследований, утверждает он, напроць «исчезла отдельная социальная группа, а именно «союзники», которыми были группы воинов, отправлявшихся древнерусскими князьями на службу к византийским императорам»¹⁴⁰. Заметим, что О. М. Луговой обращает внимание на этот вопрос только в последнем, четвертом разделе диссертации, утверждая, что «общая подчиненность отрядов имперскому главнокомандованию не дает возможности считать их войсками, союзными Византии в современном смысле этого понятия»¹⁴¹. С другой стороны, в тексте автореферата черновицкого историка, несмотря на частое одновременное упоминание рядом наемников и союзников, не приведено четкого различия этих двух групп русских воинов на византийской службе. Учитывая задекларированное во вступлении и, отметим, вполне перспективное в научном плане внимание к социальной группе «наемников», это кажется серьезным упущением. Только из выводов можно определить, что наемники на византийской службе, в отличие от союзников, освобождались от контроля князя и самостоятельно заключали соглашение с императором, а союзники отправлялись киевским князем согласно договоренностям, достигнутым между ним и византийским правителем»¹⁴².

Заслуживает внимания также перспектива взгляда на проблему в контексте истории Древней Руси, избранная А. М. Филипчуком. «В современной ис-

торической науке на сегодня нет комплексной работы, посвященной исследованию русов среди «войск народов» в Византии, хотя в глазах современников и их потомков «становление Руси» напрямую связано с комплексом русско-византийских отношений, важным сегментом которых было наличие воинов из Руси среди «войск народов» в Византии; «ограниченная перспектива помешала полностью реконструировать ранний период становления «международных связей» первых политических образований русов в Восточной Европе и, что самое главное, роль и место наемных групп в этом процессе»¹⁴³.

Как видим, черновицкий византист не только более конкретен в актуализации темы своего исследования, он последовательно фокусирует свое внимание на значении феномена групп наемников и союзников на византийской службе в контексте формирования Руси: «Их социальная и профессиональная идентичность полностью лежит в плоскости ранней истории Руси ... Каким образом эти сначала «чужие» социальные группы стали «своими», более того, обусловили образование политической организации на территории Восточной Европы? Соответственно, будучи «чужими» в Константинополе, были ли они своими на Руси?»¹⁴⁴. Наконец, черновицкий исследователь, в отличие от О. М. Лугового, последовательно различает наемников и союзников, отдельную социальную группу «воинов, отправлявшихся древнерусскими князьями на службу к византийским императорам»¹⁴⁵. Итак, уже само обоснование актуальности темы исследования А. М. Филипчуком дает весомые основания надеяться на новаторский подход и неординарные выводы, и исследование оправдывает эти надежды, причем начиная уже с таких обычно «проходных» мест в текстах диссертаций, как характеристика методов исследования и изложение научной новизны¹⁴⁶.

Первая глава диссертации «Русы в Византии глазами современников и их потомков: историография и источники исследования» традиционно посвящена анализу историографии и источниковой базы исследования¹⁴⁷. Она, подобно следующим частям исследования, имеет оригинальное название, что, к сожалению, не присуще большинству украинских диссертационных работ, причем не из-за отсутствия желания диссертантов создать не только научный, но и интересный для чтения нарратив, а в силу консервативности ученых советов, представители которых крайне настороженно относятся к любым проявлениям самобытности в тексте диссертации.

Характеристика историографии, осуществленная А. М. Филипчуком, глубоже и подробнее, чем у О. М. Лугового, диссертант не жалеет на нее объема автореферата¹⁴⁸. Глубоким является его знание иностранных исследований по истории византийской армии¹⁴⁹, и, главное, он не только называет отдельные фамилии исследователей, но и характеризует их вклад в изучение вопроса. Например, и О. М. Луговой¹⁵⁰, и А. М. Филипчук упоминают о важности работ российского исследователя-эмигранта, который работал в США, А. А. Васильева. При этом одесский историк упоминает фамилию, а черновицкий ученый коротко, но, вместе с тем, содержательно отмечает, что византист «охарактеризовал бюджет критских экспедиций византийского флота, а также впервые подал информацию арабских источников о русских союзниках и наемниках в византийской армии в 950-х гг.»¹⁵¹.

Основательна также осуществленная А. М. Филипчуком характеристика источников¹⁵². Если О. М. Луговой лишь отмечает привлечение к исследованию «материалов сфрагистики, эпиграфики, нумизматики и археологии»¹⁵³, то черновицкий византинист в отдельных пунктах, не более одного абзаца текста, максимально обобщенно и концентрированно характеризует их информационный потенциал и значение для исследования. Например, относительно материалов сфрагистики А. М. Филипчук отмечает: «Информация моливдовули проливает свет на проблемы: просопографии русов и варягов, их командного состава, структуры и организации тетерий. Важно, что легенда печати в большинстве случаев содержит данные об идентификации ее автора, его святого патрона и титулах. Для нас безусловный интерес представляют моливдовулы, найденные на территории Восточной Европы (коллекции Н. Лихачева, Г. Закоса, Думбартон Оукс), которые указывают на каналы коммуникации и связи между императорским двором и вождями наемных групп и между владельцем моливдовула и древнерусскими правителями»¹⁵⁴.

Впрочем, это касается и характеристики письменных источников, которым в работах обоих диссертантов уделено равно главное внимание. Особенно ярко это можно увидеть на примере трактата «О церемониях» (или «Обрядник византийского двора») («*De ceremoniis*»), который лишь назван в общем перечне у О. М. Лугового¹⁵⁵ и подробно охарактеризован у А. М. Филипчука, а также русско-византийских договоров X в., которые сохранились в составе «Повести временных лет». О последних оба исследователя пишут как о важном источнике, но византинист из Черновцов обращает внимание на ключевой принцип их исследования: «Они требуют повторного перевода с древнерусского, который предусматривает их рассмотрение в контексте дипломатики императорских хрисовулов. Поэтому реконструкция договоров должна охватывать все списки. Ее принципы и избранная методология обоснованы нами отдельно в приложениях»¹⁵⁶. Остается лишь пожалеть, что из автореферата невозможно узнать о содержании этого приложения.

Во втором разделе диссертации А. М. Филипчука «Между Киевом и Константинополем: русские воины в контексте взаимоотношений Руси и Византии»¹⁵⁷ рассматриваются три ключевых вопроса:

1. Участие отрядов русов в военных кампаниях византийского флота в 911, 935 и 949 гг. Появление значительного количества русов на византийской службе автор связывает с переориентацией на византийские рынки, осуществленной князем Олегом, а заключение русско-византийского договора 911 г. объясняет необходимостью улаживания «статуса большого количества русских пленных и наемников»¹⁵⁸. Показательна попытка Льва VI лишить киевского князя контроля над наемниками путем выделения для него незначительной группы воинов, которые получили название «союзники».

2. Статус, состав, структура и функции отряда «крещеных росов», а также вопрос о «воях» княгини Ольги. Основной состав этой группы был сформирован из тех русских воинов, которые оставались на византийской службе после лангобардского похода 935 г. и были крещеными, «что было одним из условий допуска наемных воинов к охране особы императора»¹⁵⁹. Важным является

тезис автора о том, что с отрядом «крещеных росов» следует отождествлять «христианскую русь» из договора 944 г. Именно они стали основой русского отряда во время критского морского похода 949 г.¹⁶⁰ Второй частью этого отряда стали «вои», направленные в империю Ольгой по договоренности с Константином VII и Романом II. «Вои» были важным предметом переговоров между киевской княгиней и Константином VII в 950-е гг. и прибыли в империю уже после смерти этого императора, приняв участие в критском походе 960–961 гг.¹⁶¹

3. Конфликт между князем Владимиром и его варягами в Киеве. Исследователь отмечает прямую связь между выпровождением из Киева мятежных варягов и появлением на византийской службе новой «этерии пехотинцев», упомянутой в Тактиконе Эскуриала. Появление же «русского корпуса» связано с отправлением Владимиром дружины на помощь Василию II для войны с мятежником Вардой Фокой в 988 г. После победы над узурпатором при активном участии в битвах «русского корпуса» произошло «превращение многотысячно-го русского отряда в постоянную составляющую византийской армии»¹⁶².

Третий раздел «Русы и император в 1015–1081 гг.»¹⁶³ посвящен рассмотрению отношений между наемными и союзными отрядами русов и византийскими императорами. После смерти князя Владимира император Василий II отказывается от договоров с киевским князем по наемникам, заменив их заключением отдельных соглашений с вождями наемников¹⁶⁴. Отношения русов с императорской властью были противоречивыми, во время восстаний часть из них становилась на защиту императорской власти, другая же могла поддерживать узурпаторов. Так, во время выступления Георгия Маниака в 1042–1043 гг. подавляющая часть «корпуса русов» поддержала его выступление, меньшая же часть осталась верной императору Константину IX Мономаху. Следствием этого стало значительное сокращение, но не исчезновение воинов из Руси на службе в Византии, причем император осуществил реорганизацию гвардейских частей, выведя из их состава русов и варягов, и заменив их двумя дополнительными этериями из других «народов».

Вскоре, однако, влияние русских отрядов на императорскую власть возобновилось, поскольку они были важным средством удержания власти, войском, «которое не зависело от сил византийской столичной и провинциальной аристократии»¹⁶⁵. Одновременно это делало императора все более зависимым от придворной гвардии, которая пыталась получить все большее материальное вознаграждение за свою службу и верность. Наконец, когда в 1079 г. группы наемников и союзников взбунтовались против Никифора Вотаниата, император прибег к репрессиям относительно русов, которые исчезли из византийской армии.

Об основном содержании четвертого раздела диссертационного исследования А. М. Филипчука свидетельствует уже само его название: «Имя, власть и идентичность: социальный состав, просопография, принципы организации, функционирования и обеспечения русских воинов»¹⁶⁶. Он в наибольшей степени соотносится с четвертым разделом диссертации О. М. Лугового, который называется «Росы и варанги в византийских государственных и военных структурах»¹⁶⁷. Отдельные выводы, к которым приходят исследователи, представляются

принципиально отличными. Скажем, одесский византинист утверждает: «После создания большого постоянного «корпуса» в 980-х гг. стало возможным возглавление отдельных подразделений этого корпуса командирами, которые происходили из среды наемников»¹⁶⁸. А. М. Филипчук, в свою очередь, утверждает, что «социальной основой русских наемников и союзников была «дружина», где наряду с лидером (вождем) насчитывалось несколько десятков человек, особенно близких к нему»¹⁶⁹.

Как видим, черновицкий исследователь с его задекларированным вниманием к новой социальной истории, обращает внимание на тот важный аспект формирования отрядов русских наемников на византийские службе, который остался неотрефлексированным его одесским коллегой. Последний, впрочем, также справедливо утверждает, что предводителями наемников «в большинстве случаев выступают представители знати из их же этнической среды»¹⁷⁰. Совпадают и некоторые следующие сюжеты, которых касаются оба исследователя, в частности, о возможностях карьерного продвижения командиров русов и материальном обеспечении отрядов русов. При этом сразу бросается в глаза, что характеристика, осуществленная А. М. Филипчуком, значительно более полная и основательная¹⁷¹.

Наконец, отдельного упоминания заслуживают обширные выводы диссертации черновицкого исследователя¹⁷². Важно отметить, что, кроме уже известных из предыдущего текста результатов, они также содержат упоминания о тех важных сюжетах диссертации, которые не были включены в автореферат из-за его ограниченного объема, а также значительное количество мелких уточнений и наблюдений по истории наемников и союзников на византийской службе в X–XI вв., имеющих самостоятельное научное значение. Наиболее существенными представляются, в частности, выводы относительно длительного отсутствия в византийской литературе специальных слов для обозначения русских воинов, и появления только в «Обзрении истории» Иоанна Скилицы термина «варяги» (βαράγγοι), который не имел ни этнической, ни географической, ни смысловой нагрузки, и касался группы наемников, которые оказались вне дворцовой стражи¹⁷³.

Следующее диссертационное исследование возвращает нас к первоосновам становления Византии. Это диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук *Дмитрия Сергеевича Пуховца «Внутриполитическая деятельность Константина Великого (306–337 гг.)»*¹⁷⁴, защищенная 11 октября 2010 г. в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко. Актуальность темы научного исследования, которая находится на грани антиковедения и византистики, определяется тем, что Константин I был «императором-новатором, которому удалось в корне изменить Римскую империю в первой половине IV в.», именно его реформы «заложили фундамент для существования в будущем мощного государства – Византии»¹⁷⁵. Уже сама формулировка названия темы диссертации дает веские основания заинтересоваться ее научной новизной и оригинальными выводами автора, поскольку правление Константина Великого и его внутренняя политика ни в коей мере не относятся к темам, лишенным внимания историков.

Действительно, как показывает сам диссертант в историографическом обзоре¹⁷⁶, существует немало специальных исследований по истории правления этого императора. К сожалению, заявленного в начале этого подраздела анализа историографии темы не произошло, диссертант ограничился простым перечнем и описанием-характеристикой исследований. Можно согласиться с его итоговым выводом, о том, что «несмотря на большое количество работ, в историографии остается немало малоисследованных и дискуссионных вопросов внутривластной деятельности Константина Великого»¹⁷⁷, однако из осуществленного описательного пересмотра отдельных работ выделить эти основные проблемные или малоизученные вопросы невозможно. Учитывая значительный объем, отведенный автором для историографического обзора в автореферате (более 3,5 страницы из 14!), он вполне мог бы выделить эти вопросы и осуществить на этой основе сравнительный анализ историографии. Это сразу сняло бы все сомнения относительно научной новизны диссертационного исследования и помогло бы ученому лучше определить его задачи¹⁷⁸. В списке последних не пришлось бы указывать выяснение состояния источниковой базы и степень научной разработки проблемы, поскольку необходимость этого очевидна при любом исследовании и не требует отдельного упоминания. Так же чисто обзорным является и подраздел 1.2, посвященный источникам исследования¹⁷⁹.

Во второй главе диссертации¹⁸⁰ говорится об особенностях получения Константином политической власти, его правления на Западе и, наконец, с 324 г., о его единоличном господстве в целой империи. Д. С. Пуховец приходит к выводу, что «важным результатом политического пути императора стало то, что в определенный момент в стране перестала существовать сильная оппозиция действующему правлению, а претенденты на императорскую должность были физически уничтожены в ходе гражданских войн»¹⁸¹.

Третий раздел, посвященный религиозной политике императора¹⁸², является ключевым в исследовании. Диссертант рассматривает обращение в христианство Константина, которое датирует 312 г., а также осуществляет попытку реконструкции содержания эдикта 312 г. в отношении христиан, предшествовавшего Миланскому эдикту 313 г. Путем проведения аналогии с эдиктом императора востока империи Максимиана Дазы, Д. С. Пуховец приходит к выводу, что, поскольку эдикт был издан еще до обращения Константина, «то и его тон был строгим к христианам: христианское богослужение разрешалось, но к христианству относились как к чужой религии, распространению которой следует противодействовать»¹⁸³. Ситуацию изменил Миланский эдикт, который фактически был направлен в пользу христиан. Язычество, впрочем, также не запрещалось, и в подразделе 3.3 «Политика по язычникам» исследователь отмечает, что Константин продолжал содействовать развитию культа императора и лично продолжал чтить культ Солнца Непобедимого¹⁸⁴.

Важен подраздел 3.4 «Участие императора в решении церковных споров», в котором на конкретных примерах борьбы с донатизмом и арианством во время созыва, соответственно, соборов в Риме в 313 г., Арелате в 314 г. и Никее в 325 г. определялись прецеденты «в отношениях государства и Церкви»¹⁸⁵. Показательна

в этом роль примирителя, посредника и последней инстанции решения вопроса, которую пытался взять на себя Константин, который, однако, вынужден был, в конце концов, согласиться на осуждение арианства.

В подразделе 3.5 Д. С. Пуховац высказал предположение о катехуменате Константина, «который сочетал императора и Церковь до крещения». «Став катехуменом, Константин уже мог считаться христианином, но в то же время окончательно не разрывал свою связь с языческим населением империи»¹⁸⁶.

В последнем, четвертом разделе диссертации¹⁸⁷ исследователь комплексно рассматривает внутреннюю политику Константина I, последовательно останавливаясь на вопросах административных реформ и становлении новой системы управления государством, социальной, экономической и фискальной составляющих мероприятий императора, а также военных реформах правителя. Подобно тому, как «законодательство императора представляло собой не революцию, а постепенное развитие законодательства предшественников»¹⁸⁸, так и выводы диссертанта в этом разделе в большей степени обобщают достижения предшествующей историографии. То же самое можно сказать и в отношении общих выводов исследования в целом¹⁸⁹, которые не так открывают новые перспективы изучения правления Константина, как относительно полно подводят итоги исследований других историков по вопросам внутренней политики этого императора. Во многих случаях даже там, где источники и историографическая ситуация позволяют осуществить разрыв с предыдущей исследовательской традицией и получить собственные оригинальные выводы, Д. С. Пуховац этого не делает.

Например, относительно экономических мер Константина он утверждает: «Установлено, что в экономическом аспекте внутренней политики основными проблемами императора были запустение земель и городов, инфляция. Для преодоления инфляции он ввел новую золотую монету – солид. С появлением солида связано увеличение роли золота в экономике страны. В налоговой сфере основной целью Константина была замена натуральных налогов на налоги в деньгах. Правителем был введен налог на предпринимательскую деятельность – хрисаргир»¹⁹⁰.

Какую именно информацию из приведенной цитаты нельзя найти даже не в специальной исследовательской, но и в общеупотребительной обобщающей литературе и даже учебниках, сказать трудно, причем примеры таких утверждений, которые подаются как «выясненные», «установленные» или «обнаруженные» можно множить. То, что стало новым открытием лично для диссертанта, может и не быть таковым для исторической науки. Это, очевидно, понимает и сам исследователь, утверждая в неоправданно обширном и так же выдержанном в духе пересказа давно известных истин пассаже относительно теоретико-методологической базы диссертации, что «любая историческая работа остается субъективной, так как внутренний опыт историка влияет на сформулированные им выводы»¹⁹¹. Яркой иллюстрацией к этому утверждению является и исследование Д. С. Пуховаца. Но, если, с одной стороны, это лишает диссертацию многих элементов и признаков научной новизны, то с другой – делает ее полезным и сравнительно полным общим изложением предыстории раннего периода Византийской империи.

Следующие три диссертации, несмотря на различные коды специальностей и названия дисциплин, по которым они защищены, оказываются тесно связанными между собой. По самим их названиям, и даже текстам трудно однозначно определить, к истории, культурологии, философии или религиоведению относится та или иная из них, что в который раз наглядно демонстрирует нераздельное соединение в византистике элементов различных научных дисциплин.

Это хорошо видно на примере защищенной 27 октября 2010 г. в Национальной музыкальной академии Украины имени П. И. Чайковского диссертации *Дарьи Сергеевны Морозовой «Тема человека и окружающей среды в византийской аскетической традиции»*¹⁹², представленной на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 26.00.01 – теория и история культуры. Она имеет необычное для историка, но убедительное обоснование актуальности темы, которая истолкована как в контексте культурной идентичности Украины, основы которой тесно связаны с усвоением греческого христианства, так и с учетом экологических и мировоззренческих проблем, стоящих ныне перед человечеством, а также с учетом необходимости исследования «Передачи» для современной церковной мысли, которая постоянно сталкивается с проблемой несоответствия религиозного видения мироздания достижениям естественных и точных наук¹⁹³. «Христианская оценка телесности как неотъемлемой составляющей человеческого естества, пристальное внимание к связи человеческого тела с материальным миром, осознание ответственности человека за землю, на которой она живет, и за весь космос, созданный ради него, – все эти основные позиции философии отцов Церкви сегодня животрепещущи, пожалуй, как никогда раньше», – заключает диссертантка¹⁹⁴.

В первой главе диссертации¹⁹⁵ определен круг источников, а также оценена степень научной разработки проблематики исследования. При этом, если обзор источниковой базы сводится к простому перечислению имен представителей византийской патристики, чьи произведения составили основу корпуса текстов, который анализировался в работе (трактаты свт. Василия Великого, свт. Григория Нисского, Немесия Емесского, Псевдо-Дионисия, преп. Максима Исповедника, преп. Симона Богослова, преп. Иоанна Дамаскина, свт. Григория Паламы и других)¹⁹⁶, то историография охарактеризована значительно подробнее¹⁹⁷. Заслуживают внимания утверждение диссертантки о нехватке культурологического подхода в западной византистике, исследующей историю космологических представлений¹⁹⁸, а также ее внимание к совершенному в 1970-е гг. греческими богословами И. Иконому, Д. Замесом и А. Кезелопулосом открытию «фундаментальной созвучности (современного – А. Д., М. Д.) экологического подхода с аутентичным мировосприятием византийских отцов Церкви, для которых вселенная была прежде всего «домом» человека»¹⁹⁹. Подчеркивание этой созвучности стало важным толчком для оценки современной культурной ситуации, породившей экологический кризис, с позиций текстов Святых Отцов. Однако, по справедливому замечанию Д. С. Морозовой, комплексное научное исследование экологического учения греческих отцов никогда не осуществлялось.

Во втором разделе ««Мистический материализм» сирийской аскетики»²⁰⁰ диссертантка, исходя из традиционного в патристике различия антиохийского,

александрийского и каппадокийского подходов, последовательно исследует первый из них, который в корне отличался от двух последующих. Экологическую природу сирийского христианского естествознания определило сосредоточение внимания ученых на «отношениях человека с окружающей средой, в непосредственной обращенности к человеку каждого природного явления, его ответственности за материальный мир»²⁰¹, что было вызвано требованием осмысленности и уникальности каждого природного явления²⁰². В наибольшей степени этот подход нашел свое яркое выражение в представлениях о Эдемском саде.

В подразделе 2.2 «Преп. Ефрем Сирийский об «Эдеме на Востоке»»²⁰³ рассмотрены взгляды Ефрема Сирийского на Рай как гору в центре круглой земли, которая одновременно сочетает в себе конкретно-географическую и духовно-мистическую природу. С одной стороны, Эдем – это не просто территория в пространстве, это, прежде всего, духовное явление, но с другой – топографическая локализация Рая доказывает высокий статус материального мира и делает историю экологии составляющей ядра «истории спасения».

В следующем подразделе 2.3 анализируется один из ключевых источников патристической экологии – Макарьевский корпус, в котором отмечается взаимозависимость человека и окружающей среды. Человек не является самодостаточным, он зависит от окружающей среды, но он также призван упорядочить этот мир, причем не столько физически, сколько духовно, в «языково-культурно-культовой плоскости». Д. С. Морозова акцентирует интересную особенность Макарьевского корпуса, в котором мир представлен подобно современной классической экологии как сложная система жизнедеятельности различных видов организмов в определенной среде. «Человек включен в эту экологическую структуру как телесное существо (естественное видение), но одновременно является свободным от нее, благодаря своей свободе и особому отношению с Богом (гуманитарное видение)»²⁰⁴.

В подразделе 2.4²⁰⁵ рассматривается неклассическая гносеология в естествознании свт. Иоанна Златоуста, которая является сочетанием эллинистического и ближневосточного подходов. Святой Отец призывает эмпирически, на собственном опыте изучать окружающий мир, но одновременно предостерегает относительно ограниченности человеческого познания мира, потому что субъект, который изучает мир, сам находится внутри этого мира и, соответственно, его возможности к познанию лимитированы и искривлены уже из-за самого факта родства с исследуемым объектом. Это замечание Иоанна Златоуста Д. С. Морозова справедливо считает «одним из крупнейших достижений позднеантичной мысли»²⁰⁶.

В двух следующих подразделах речь идет, соответственно, о восприятии и христианизации представителями антиохийского направления элементов «мистического материализма» философов школы Стои, в частности об использовании в Шестодневе Севериана Габальского (IV в.) образа «тонкого» небесного огня, который своим присутствием в материи освящает ее, а также о естествознании Исаака Ниневийского (VIII в.), который постулирует познание окружающего мира как мистическую практику молитвы отшельника. Из текста раздела логично выведен и главный вывод автора о том, что «основные

акценты антиохийцев – на телесном и экологическом контексте познания, на зависимости человека от окружающей среды и ответственности за нее, на преобразении материального мира представляются весьма созвучными и потребностям нашего времени»²⁰⁷.

Третий раздел «Христианизированная эллинистическая мысль: между антропологией и космологией»²⁰⁸ посвящена выяснению характера экологической составляющей александрийского и каппадокийского богословских направлений. Важно осуществленное Д. С. Морозовой акцентирование внимания на сочетании христианского мировоззрения с античной натурфилософией во взглядах крупных каппадокийцев – Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского, которые приспосабливали античные естественные знания к созданию христианской картины мира. Интересно, что нередко с помощью чисто физических объяснений они опровергали метафизические трактовки язычества²⁰⁹.

Интересен подраздел 3.3 «Египетский аскетизм как экологический проект», в котором говорится о взглядах египетских аскетов на важное влияние окружающей среды на не только физическое, но и духовное состояние человека, особое внимание уделяется смиренной жизни среди диких зверей в смиренном подражании «низшим ступеням экологического бытия»²¹⁰.

Важное значение для развития христианских экологических представлений имел Халкидонский собор 451 г. и творчество одного из активных распространителей принятой на нем концепции свт. Диадона Фотикийского: «Провозглашение «неслиянного» и «нераздельного» сочетания во Христе Божественной и человеческой природы имплицитовало, с одной стороны, достоинство человеческого естества, телесности и материи в целом, с другой же, возможность приобщения их к энергии Божества, а, следовательно, – возможность преобразования космоса освященным человеком»²¹¹. Оправдание материальной природы ее причастностью к Божественной энергии стало основой редуцированной к гносеологии неоплатонической мысли у Псевдо-Дионисия Ареопагита²¹² (в рассматриваемой ниже диссертации Ю. П. Черноморца автором Ареопагитик признан Иоанна Филопона)²¹³. Наиболее же зрелым образцом платонического естествознания стало творчество св. Максима Исповедника, главным элементом неоплатонической экологии которого стала «сотериология, которая предусматривает не только спасение человека Воплощенным Логосом, но и спасение вселенной человеком как причастным ко всем ее ступеням»²¹⁴.

В четвертом разделе «Средневизантийский синтез традиций»²¹⁵, который Д. С. Морозова справедливо определяет ключевым элементом исследования, говорится о сочетании трех рассмотренных в предыдущих разделах традиций. Ранним (IX в.) примером такого синтеза является творчество преп. Иоанна Дамаскина (подраздел 4.2²¹⁶). В свою очередь в конце X – в первые десятилетия XI в. преп. Симеон Новый Богослов творит свое экологическое учение на основании антиохийского взгляда на мироздание. Абстрактному мышлению средневизантийской схоластики Симеон, подобно Иоанну Златоусту, противопоставлял необходимость эмпирического исследования окружающей среды. Однако его учение, мощно повлиявшее на православные мистику и аскетику, не

коснулось университетского естествознания (подраздел 4.3²¹⁷). Последнее окончательно отделилось от теологии, не приобретя, впрочем, рационального и исследовательского характера, но подвергаясь влиянию оккультной метафизики (раздел 4.1²¹⁸).

Ближайшим же последователем Симеона стал его ученик Никита Стифат (XI в.) (подраздел 4.4²¹⁹), который синтезировал все три предыдущие экологические традиции в концепции множественного Рая, что осмыслялся в пяти разных измерениях. Сочетание антиохийского и александрийского подходов представлено также в трактате преп. Петра Дамаскина (XII в.), который видит в «течении вещества» неоплатонизма «распятие» для мира, а в антиохийском обновлении среды – идею «воскресения» для мира (подраздел 4.5)²²⁰.

Наконец, последний раздел «Паламистские дебаты: теология, наука, искусство»²²¹ посвящена анализу взглядов свт. Григория Паламы (конец XIII – первая половина – середина XIV в.), чрезвычайно внимательного к важности «Воплощения, телесности человека и достоинства материи». Выразительным проявлением обожания космоса диссертантка считает «тонкие мотивы» поздне-византийского искусства – литургическую поэзию и пейзаж иконописи периода Палеологовского Возрождения.

Важным является итоговый вывод автора о неприятных последствиях византийского раскола знания на схоластическую физику и аскетическую экологию для всей восточнохристианской, включая украинскую, культуры, поскольку «молодые славянские церкви, заимствовав у греков их богатое и разностороннее монастырское естествознание, оказались совершенно равнодушными к академической линии»²²². Стоит также отметить важность выводов диссертации²²³, в которых удачно в максимально обобщенном виде представлены основные итоги исследования, одним из важнейших является тезис о том, что «мощная экологическая мысль византийских отцов находила выражение в проповедях, в литургической поэзии, в иконописи, но не в университетском дискурсе, что негативно отразилось на интеллектуальной ситуации последующих веков»²²⁴.

14 января 2011 в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» состоялась защита диссертации *Юлии Олеговны Минец «Творчество Палладия Еленопольского в контексте формирования идеалов христианской жизни: историко-социальный аспект»*²²⁵, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Исследование посвящено разностороннему анализу двух произведений Палладия Еленопольского (ок. 363/364 – ок. 431 гг.) *Лавсик* и *Диалог о жизни Иоанна Хризостома* в контексте становления основных идеалов христианского мировоззрения в IV–V вв. Актуальность темы обусловлена необходимостью более детального изучения использования библейских текстов в конструировании христианского дискурса в переходный период от позднеантичного язычества к раннесредневековому христианству, а также тем фактом, что названные два произведения, «написанные в различных стилевых, языковых и идеологических уровнях», являются удачным примером того, как «один автор был способен модифицировать характер своего письма, в частности использование Библии, под различные стилевые, языковые, идеологические

уровни в зависимости от разных целей произведения, целевой аудитории и исторического контекста написания»²²⁶.

Рассмотрев в первой главе историографию вопроса «Использование Библии для конструирования идеалов христианской жизни в позднеантичных текстах» и охарактеризовав основные комплексы источников²²⁷, вторую главу диссертантка посвятила реконструкции биографии Палладия Еленопольского, которая была осуществлена на основании имеющихся источников и жизнеописаний, подготовленных предыдущими исследователями (К. Батлер, Д. Бак), а также истории и характеристики изучаемых произведений²²⁸.

Лавсаик, название которого происходит от имени константинопольского чиновника Лавса, по чьему заказу около 420 г. было написано произведение, является сборником рассказов о монахах, отшельниках и аскетах и относится к агиографическому жанру. Ю. О. Минец проанализировала лексику и синтаксис произведения, которым присущ отход от высоких аттических образцов, простая риторика и приближенность к просторечию. Это позволяет определить аудиторию, на которую ориентирован текст, а рукописная традиция и ранние переводы на латынь, сирийский, коптский и славянский языки удостоверяют его распространенность и немалую популярность²²⁹.

Диалог о жизни Иоанна Хризостома (вероятно 408 г.) является детальной апологетической биографией Иоанна Златоуста, поданной в форме диалога между римским диаконом Теодором и епископом с востока, который прибыл в Рим. Как установила исследовательница, *Диалог* является «более стилистически изысканным и риторически разработанным произведением, чем *Лавсаик*, но имеются значительные синтаксические и грамматические ошибки и нестыковки, что может свидетельствовать о написании текста под диктовку автора»²³⁰.

В третьем разделе исследования²³¹ осуществлен анализ форм использования библейских текстов в произведениях Палладия, присущих им нарративных стратегий и риторических конструкций. Ю. О. Минец установила, что самой распространенной формой обращения к Библии были ссылки, так же часто встречаются дословные и адаптированные цитаты. В *Лавсаике* также имеются аллюзии, а в *Диалоге* – парафразы и сокращенные переводы библейских историй²³². *Диалог* оказывается более насыщенным библейскими цитатами, которые часто являются широкими и соединенными со ссылками в нарративные цепочки в общем контексте²³³. Главной целью при этом является описание современных автору ситуаций в библейских понятиях, демонстрация того, как праведники в своей жизни фактически воплощают библейские пророчества. Одновременно яркие библейские аналоги получают также образы грешников, что «делает описание более наглядным, доступным и близким» читательской аудитории²³⁴. Отличительной особенностью использования библейских цитат в *Диалоге* является «более тонкая игра автором на изменении контекста библейской фразы», сложнее ее пояснения²³⁵.

Ключевым в диссертации является четвертый раздел «Текст и аудитория: Социальные стратегии использования Библии»²³⁶, в котором исследовано, каким образом интерпретация приведенных библейских текстов соотносится с читательской аудиторией каждого из произведений. Подраздел 4.1 «*Диалог*

и *Лавсаик*: Различия в интерпретации идей» посвящен сравнительной характеристике оценки в текстах важных для христианина вопросов, благодаря чему выявлены принципиальное отличие постулированных идей в каждом из произведений. Так, например, *Лавсаик* презирует земную мудрость, добытую путем образования, и высоко чтит Божественное откровение. В свою очередь *Диалог* высоко оценивает мудрость и рассудительность в этом мире; *Лавсаику* присущи сильные эсхатологические ожидания, тогда как в *Диалоге* они завуалированы объяснением, что трудности и несчастья являются лишь испытаниями, в которых должны закаляться праведники. В *Лавсаике* благолепие и седина являются свидетельствами праведной жизни, в *Диалоге* же автор предостерегает, что за почтенной внешностью часто скрывается грешная природа т. д.²³⁷

В подразделе 4.2 анализируются ключевые идеи и целевая аудитория пролога *Лавсаика*²³⁸, в котором автор обнаруживает мощное влияние *Regulae morales* Василия Кесарийского, обозначенное общими библейскими цитатами, адресацией широкой аудитории христианской общины, а не только аскетам. Пролог *Лавсаика* отличается от основной части текста произведения более ортодоксальными взглядами, тогда как в рассказах об отшельниках и аскетах заметно влияние идей учителя Палладия Евагрия Понтийского, к тому времени уже обвиняемого в еретичестве.

Подраздел 4.3 посвящен анализу библейских сюжетов и образов, к которым обращается Палладий, описывая биографию Иоанна Хризостома, прежде всего эпизоду его свержения с кафедры. Автор подает Иоанна как сугубо положительного персонажа, подчеркивая праведность его поступков, в которых он подражает Христу, Иоанну Крестителю, Моисею, Иисусу Навину и др. Зато враги сравниваются с крупнейшими библейскими грешниками. Как считает диссертантка, «главной потенциальной аудиторией, которая в то время была очень заинтересована именно в такой трактовке, были сторонники Иоанна, члены его партии». Они в 400-х – 410-х гг. остро нуждались именно в таком нарративе, который героизировал бы не только Иоанна Златоуста, но и их самих, пострадавших за праведное дело²³⁹. Такое определение целевой аудитории убедительно объясняет апологетическую природу *Диалога*, одномерное и сугубо тенденциозное представление событий из жизни Иоанна Златоуста, а также, впрочем, и незначительное распространение произведения, которое дошло до нас только в двух рукописях и семи фрагментах.

Наконец, в последнем разделе 4.4²⁴⁰ произведения Палладия рассматриваются в контексте современных ему текстов других авторов. Показано влияние на содержание *Диалога* со стороны произведений Иоанна Хризостома *De sacerdotio* и *In Genesim homilia I*, а на *Лавсаик* – *Vita Antonii* Афанасия Александрийского и *Aphrothegmata Patrum*.

В достаточно пространственных выводах²⁴¹ подведены основные итоги исследования, которые повторяют уже известные из предыдущего изложения утверждения. К сожалению, автор не осуществила здесь более глубоких обобщений, перспективы для которых, несомненно, открывало ее исследование, и о которых вспоминает она сама: «Выявление идей и понятий, которые были по-разному трактованы в текстах, направленных на различную целевую аудиторию,

составляет методологическую основу для дальнейших исследований проблем неоднородности внутри христианской аудитории конца IV–V вв., которые позволят глубже понять ее стратификацию и структуру, динамику различных социальных страт, наличие и соотношение различных уровней нарративов внутри христианского дискурса»²⁴². Впрочем, способность удержаться от соблазнительных, но малообоснованных утверждений, тем более в итоговой части, – один из признаков исследовательской зрелости ученого.

Именно такую зрелость можем видеть в следующем диссертационном исследовании, которое свидетельствует о появлении в Украине мирового уровня исследователя византийской богословской мысли. Имеем в виду докторскую диссертацию по философии *Юрия Павловича Черноморца «Эволюция византийского неоплатонизма»*²⁴³, защита которой состоялась 1 июля 2011 г. в Институте философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины. В диссертации византийский неоплатонизм исследован как «уникальное явление в истории религиозной мысли наиболее развитой православной культуры средневековья», что дает «ключ для понимания развития православной теологии на протяжении тысячелетия, с VI до XV вв.»²⁴⁴, поскольку именно он был «господствующим философским и теологическим течением на протяжении всего существования Византии»²⁴⁵.

В первом разделе «Византийский неоплатонизм как предмет религиоведческого и историко-философского исследования»²⁴⁶ говорится о состоянии научной разработки проблемы, охарактеризованы источниковая база, методологическая основа и принципы исследования. Ю. П. Черноморец отмечает отсутствие комплексных религиоведческих и историко-философских трудов по византийскому неоплатонизму, который выводился за пределы научных исследований как в силу желания изучать «чистую философию» без теологических элементов (как у В. Татакису, Г. Подскальски, Л. Бенакису), так и из-за предвзятых интерпретаций византийской философии через призму собственного понимания «правильной православной философии» (Ф. Шеррард, Н. Матзука, В. Лурье)²⁴⁷. Единственное исследование византийского неоплатонизма С. Герша «От Ямвлиха к Эриугены. Исследование предыстории и эволюции Псевдо-Дионисиевой традиции» является конфессионально ангажированным, поскольку «пытается приписать античному и христианскому неоплатонизму учение классической томистической метафизики»²⁴⁸.

Второй раздел «Формирование византийского неоплатонизма в произведениях Иоанна Филопона (Дионисия Ареопагита)»²⁴⁹ посвящен анализу становления неоплатонизма в трудах первого византийского неоплатоника Иоанна Филопона, автора большого количества текстов²⁵⁰. Концепции неоплатонической философии этого мыслителя формируются уже в его комментариях к Аристотелю, написанных в 510-е гг. В них Филопон обосновывает учение о самостоятельном существовании созданного на основании теории деятельности, по которой деятель передает энергию движения объекту, на который действует. Созданному Богом человеку присущ импульс естественного стремления к Богу как Цели всего, но у него есть возможность выбора по собственной воле или следовать этим путем, либо отклоняться от него²⁵¹.

В полной мере философия византийского неоплатонизма была сформирована в «Ареопагитиках», которые Ю. П. Черноморец рассматривает в подразделах 2.2–2.4²⁵², последовательно анализируя их философско-теологическую пропедевтику, философскую теологию и практическую философию. Наконец философская теология сводится Иоанном Филопоном к последовательному обоснованию радикального агностицизма, поскольку относительно Бога невозможно любое познание – философское, теологическое, религиозное, мистическое. «А о чем невозможно знать, о том нужно не знать»²⁵³.

В параграфе 2.5 «Философская теология полемических трактатов Иоанна Филопона позднего периода творчества»²⁵⁴ исследователь анализирует применение ареопагитизма для критики учений Прокла и Аристотеля о вечности мира, а также антиохийской школы. Опровергая Прокла, Филопон-Дионисий доказывает, что Причиной мира является Бог, Творец, акт Творения которого не лишает его способности «быть творцом». Аристотель критикуется за его учение о невидимости и неизменности эфира, который, в таком случае, просто не может быть материальным, а также теорию вечности мира. Относительно критики буквализма антиохийской картины мира, то ее углубленный анализ открывает новые перспективы для исследования Д. С. Морозовой в плане сравнительной характеристики гносеологической экологии Ареопагитик и наивных образов мироздания сирийцев²⁵⁵.

Третий раздел «Неоплатоническая онтология Максима Исповедника»²⁵⁶ исследует философско-теологическую систему указанного автора как наиболее развитую форму «выражения ортодоксии в византийском неоплатонизме». Анализируется учение Максима Исповедника о Боге, Его свойствах и деятельности. Мыслитель доказывает сочетание простоты Бога с разветвленной структурой «различий без разделений», а Его творческие действия, относящиеся к сущности Бога, осуществляются в соответствии с Разумом, который начинает действие, Логосом, который действует, и Жизнью, которая действие завершает²⁵⁷.

На основании эманационной триады космологии Прокла Максим Исповедник творит собственную метафизическую антропологию, добавляя к ней четвертый элемент: «пребывание» (бытия идей-логосов) – «выход» (акт Творения мира) – «возвращение» (совершенствование созданного в направлении совершенства) – «новое пребывание» (достижение совершенства и сверхъестественное соединение с Первопричиной). При этом третий этап «возвращения» является моментом выявления свободы воли созданного (вспомним отмеченное Ю. П. Черноморцем определение Иоанна Филопона о том, что «человек имеет собственное естественное стремление к Богу как Цели всего, но может собственной волей следовать этому стремлению или отклоняться от него»²⁵⁸) и это (должно быть) – «усвоение Божьих благодетелей, знаний и жизни, т. е. постепенное присвоение личностью содержания Божественного»²⁵⁹.

Наконец, рассматривая сущность человека, Максим описывает ее как иерархию пяти степеней, воплощаемую на уровне ощущений: ума (зрение), рассудка (слух), аффективности (обоняние), желания (вкус) и тела (осязание). Человеческое начало в антропологии мыслителя не является чисто умным и созерцательным, оно также рассудочное, волевое, страстное и телесное. Богообразность

присуща всем людям, богоподобие же достигается в результате их деятельности, которая является проявлением свободы воли²⁶⁰.

В четвертом разделе «Византийский неоплатонический эссенциализм конца VII – начала XIV веков»²⁶¹ говорится о возникновении и развитии в Византии неоплатонизма схоластического типа. Создателем его выступает Анастасий Синаит, а сам византийский эссенциализм отличается от латинской схоластики утверждением о невозможности познания Бога-Сущности. В параграфе 4.2 проанализированы эссенциализм Иоанна Дамаскина, учение которого о сущности, индивиде, сущностных и индивидуальных свойствах стало нормативным в VIII–XIII вв.: «Эссенциализм в теологии и логике вызывает господство эссенциализма в космологии и антропологии. Мир – это определенная Богом совокупность сущностно неизменных вещей и существ. Человек – это сущность, сотворенная Богом по образцу Его собственных сущностных свойств – разумности, свободы, способностей к творчеству и управлению материальным»²⁶².

В следующем параграфе 4.3²⁶³ рассмотрено длительное господство неоплатонического эссенциализма в системе византийского высшего образования IX–XIII вв., связанное с практикой церковного осуждения, как за теологические, так и за антропологические и космологические взгляды. Византийская схоластическая философия этого времени свелась к продуцированию перефраз из наиболее схоластических трудов античных неоплатоников.

Последний, пятый, раздел «Паламизм как особая форма византийского неоплатонизма»²⁶⁴ рассматривает три этапа эволюции паламизма как особой формы византийского неоплатонизма: 1) Неоареопагитизм Григория Паламы (параграф 5.1²⁶⁵) 2) Христианское проклианство Калиста Ангеликуда (параграф 5.2²⁶⁶), 3) Паламистская схоластика (параграф 5.3²⁶⁷). Эти этапы, как убедительно демонстрирует Ю. П. Черноморец, соответствуют трем рассмотренным ранее стадиям развития классического византийского неоплатонизма. Исследователь доказывает, что появление нового вида византийского неоплатонизма было вызвано потребностями апологии ортодоксии в богословских дискуссиях XIV в. и появлением у неоплатоников конкурентов – византийских платоников. С целью критики платонизма и католической теологии Григорий Палама строит антиметафизическую теологическую систему, которую можно сравнивать с антиметафизикой Ареопагитик.

Следующим вызовом для византийского неоплатонизма стал византийский томизм. Ответом на него стали произведения Калиста Ангеликуда «Против Фомы», в котором критикуется «Сумма против язычников» Фомы Аквинского, и трактат «О божественном единении», где под влиянием Максима Исповедника развиваются идеи Прокла. В последнем параграфе 5.3 «Паламистская схоластика второй половины XIV–XV вв.» проанализированы попытки преодолеть внутреннюю противоречивость паламизма как разновидности неоплатонизма путем придания ему формы схоластического учения по правилам силлогистики, что приводило к «отказу от неоплатонической концепции и переходу к христианскому аристотелизму» (Феофан Никейский, Марк Эфесский), признанию возможности познания сущности Бога в таинстве евхаристии (Николай Кавасила, Геннадий Схолярый), что подрывало основной постулат неоплатонизма

о принципиальной непознаваемости Божьей сущности и др.²⁶⁸ Геннадий Схолярый вообще предлагал возможность сочетать пламизм и томизм в пределах эссенциализма Иоанна Дамаскина.

В выводах²⁶⁹ подведены итоги исследования византийского неоплатонизма как целостной философской традиции, эволюцию которой можно представить следующим образом:

I. Первый круг эволюции:

1. Антиметафизическая философия сверхбытия Иоанна Филопона (отождествлен с Псевдо-Дионисием и, соответственно, является автором Ареопагитик).

2. Философия бытия Максима Исповедника.

3. Философия бытия византийских эссенциалистов VII – начала XIV в. (Анастасий Синаит, Иоанн Дамаскин, Фотий, Арефа, Михаил Пселл, Иоанн Итал, Никифор Влеммид и др.).

II. Паламизм как второй круг эволюции неоплатонизма (вторая половина XIV – XV в.)

1. Антиметафизичный неоареопагитизм Григория Паламы.

2. Христианское проклианство Калиста Ангеликуда.

3. Паламистская схоластика (Феофан Никейский, Николай Кавасила, Марк Эфесский, Геннадий Схолярый).

Последним по хронологии диссертационным исследованием этого обзора является защищенная 28 октября 2011 г. в Черновицком национальном университете имени Юрия Федьковича кандидатская диссертация *Александра Евгеньевича Вольфа «Контакты византийского населения Крыма с кочевниками Северного Причерноморья и восточными славянами в конце V – X вв.»*²⁷⁰. Начав обзор с историко-археологической диссертации А. В. Зинько о византийском Крыме, мы снова возвращаемся к этой же тематике.

Знакомство с авторефератом диссертационного исследования А. Е. Вольфа оставляет крайне противоречивые впечатления. Прежде всего, бросается в глаза геополитическая и историософская, если не почти эпическая широта темы в ее географических, хронологических и тематических рамках. Такая формулировка темы вполне органично смотрится как название сборника статей или тематически связанных между собой очерков; возможно, оно допустимо в обобщающей монографии, но для диссертации она представляется малопродуктивной. Тем более что речь идет не о докторской, а о кандидатской диссертации.

Указанное привлекает повышенное внимание к обоснованию актуальности темы исследования, его объекта и предмета, географических и хронологических границ. Прежде всего, актуальность подана крайне описательно, в ней, с одной стороны, приводятся общеизвестные факты и делаются вполне банальные выводы и предположения, а с другой – подаются как устоявшиеся положения исторической науки достаточно спорные утверждения о византийско-хазарской кондоминатной системе управления Крымом в VII–VIII вв. (Без ссылки, но, совершенно очевидно, вслед за С. Б. Сорочаном, который предложил эту гипотезу и является наиболее активным ее сторонником²⁷¹).

Спасает ситуацию с изложением актуальности исследования только последний ее абзац, а именно постановка проблемы о месте, роли, значении и функ-

циях кочевников Северного Причерноморья в контактах между византийскими городами Крыма и восточными славянами. Диссертант совершенно справедливо пишет по этому поводу: «Встал вопрос: они были препятствием, или в какие то моменты способствовали налаживанию контактов между восточными славянами и византийцами Крыма?»²⁷². Учитывая это верное утверждение, как представляется, можно было бы иначе и значительно более удачно сформулировать тему диссертации, определить ее цели, задачи, объект и предмет. Скажем, совершенно неуместным выглядит задача «охарактеризовать процесс становления и распространения византийской власти на южном и восточном побережье Крыма»²⁷³. Это отдельная проблема, которая нашла специальное освещение в ряде современных исследований, равно как и определение особенностей «взаимоотношений византийской администрации в Крыму с кочевыми народами Северного Причерноморья»²⁷⁴.

Особые замечания в этом контексте вызывает обоснование верхней границы хронологических рамок исследования привязкой к походу Владимира на Херсон²⁷⁵, хотя каким образом это событие принципиально могло изменить геополитическую систему отношений трех естественно-климатических, хозяйственно-культурных и геополитических зон Северного Причерноморья – морского побережья, степи и лесостепи – понять трудно.

Хорошо прописанными в автореферате представляются методы и научная новизна исследования²⁷⁶, которая позволяет надеяться на оригинальные самостоятельные выводы. Но здесь, надо признать, ожидания не оправдываются – ни один из десяти (!) пунктов выводов²⁷⁷ не содержит исследовательской новизны, о которой идет речь во введении. Достаточно сравнить такие утверждения: в разделе «Научная новизна полученных результатов»: «впервые классифицирована и описана приоритетная группа товаров, которая составляла основу торгового обмена между херсоно-готским, степными кочевниками и славянским населением» и «определены главные пути сообщения, которые связывали земли византийского Крыма с Великой Булгарией, Хазарским каганатом и Киевской Русью»²⁷⁸, с выводом о том, что «классификация обнаруженных артефактов позволяет определить главные направления торговых путей от Черного моря на север и в обратном направлении и выявить главные отрасли производства, которые развивались в византийском Крыму»²⁷⁹. Это позволяет убедиться, что в выводах диссертант ни называет состав приоритетной группы товаров, ни отмечает направлений торговых путей.

Выводы диссертационного исследования сводятся к банальному пересказу общеизвестных фактов, которые известны любому, кто достаточно внимательно прочитал хотя бы один качественный учебник по истории Украины для студентов высших учебных заведений. Скажем, что нового в утверждении: «Включение восточных славян в международную торговлю, прежде всего с Византийской империей и Арабским халифатом, способствовало их знакомству с мировыми религиями. Наконец, через контакты с византийским населением Крыма они выбрали христианство. Первую известную нам попытку принять христианскую религию совершил полулегендарный русский князь Бравлин, который находился на полуострове в конце VIII в.»²⁸⁰? И если ничего, то

зачем он включен в выводы диссертационного исследования отдельным седьмым пунктом?

Но, возможно, мы спешим с очень жесткой критикой, и соответствующая научная новизна все же содержится в основном тексте диссертации, а выводы просто неудачно сформулированы. К сожалению, текст автореферата не позволяет соответствующим образом верифицировать это предположение, вполне возможно, из-за ограниченности его объема.

Отдельно стоит отметить, что в историографическом обзоре²⁸¹ А. Е. Вольф, вспоминая ряд второстепенных для его проблематики фамилий исследователей (конкретные их работы, к сожалению, ни разу не названо), странным образом не уделяет внимания трудам, которые непосредственно посвящены тематике его диссертационного исследования. Это, прежде всего, диссертации А. В. Зинько²⁸², В. В. Кузовкова²⁸³, А. А. Тортики²⁸⁴, В. Е. Науменко²⁸⁵, О. В. Вуса²⁸⁶.

Удивительно, что в обзоре не названы также фамилии Ю. М. Могарычева и А. В. Сазанова²⁸⁷. Эти исследователи отстаивают собственное, во многом альтернативное видение как относительно позиции А. И. Айбабина, так и концепции С. Б. Сорочана о византийско-хазарском кондоминиуме византийских владений в Крыму в контексте их контактов с кочевниками Северного Причерноморья. Если отсутствие таких упоминаний объясняется ограниченным объемом автореферата, то зачем тогда вспоминать о Н. М. Карамзине, В. О. Ключевском, М. С. Грушевском, Д. И. Багалее, И. П. Крипьякевиче и других исследователях, которые преимущественно косвенно касались проблематики диссертационного исследования в обобщающих трудах по истории России или Украины?

Особенно показательным выглядит на этом фоне упоминание о том, что русско-византийские договоры X в. «основательно изучили» Ф. И. Успенский, М. С. Грушевский, И. П. Крипьякевич и А. Н. Сахаров²⁸⁸. Почему здесь проигнорированы десятки фамилий других историков, которые исследовали соглашения между Византией и Русью, понять невозможно, тем более, что среди этих неназванных фамилий минимум полтора десятка тех, чей вклад в исследование договоров значительно весомее, чем у каждого из названных четырех исследователей, включая А. Н. Сахарова.

В целом же историографический обзор в том виде, в котором он подан в автореферате, полностью описателен, лишен проблемности и упоминаний о конкретных исследованиях. Он едва ли дает читателю возможность оценить степень изученности заданной в диссертации проблематики в трудах предшественников А. Е. Вольфа.

Так же поверхностной, и, к тому же, не лишенной досадных мелких ошибок, является и характеристика источниковой базы исследования. Так, например, историческое произведение Иоанна Скилицы называется «Обозрение истории», а не «Хроника мира»²⁸⁹. Не осуществлена классификация источников с учетом их информативности и достоверности относительно поднятых в диссертационном исследовании вопросов. Но едва ли не самая большая проблема источниковедческого обзора – это крайне беглое упоминание об археологических источниках. Исследование такой сложной темы потребовало от диссертанта работы

не только с изданиями Г. Ф. Корзухиной, В. В. Кропоткина, каталогом выставки «Византийский Херсон» и публикациями о результатах раскопок и отдельных находок вещей²⁹⁰, но и фронтальной обработке отчетов многочисленных археологических экспедиций из Научного архива Института археологии НАН Украины. Если это было осуществлено, то почему об этом не сказано в автореферате? И, к тому же, использование археологических источников для построения общеисторических реконструкций всегда было методологически сложной задачей, справиться с которой нередко бывает крайне сложно даже специалистам-археологам, которые имеют многолетний опыт работы. О методах работы с археологическими материалами А. Е. Вольфу следовало бы написать отдельно во вступлении, в пункте «Методы исследования»²⁹¹. Показательно, наконец, отсутствие упоминания о фундаментальном археологическом издании, которое четко отвечает по своим хронологическим и географическим границам теме диссертации: «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века»²⁹².

Второй раздел диссертационного исследования «Владения Византийской империи в Крыму во времена императора Зенона и его преемников», судя по автореферату²⁹³, мало отягощен научной новизной, и в обобщенном структурированном виде пересказывает общеизвестные выводы многих работ по истории византийского Крыма. Значительно более интересным представляется третий раздел «Крым в отношениях Византии с Хазарским каганатом и восточными славянами»²⁹⁴, и, видимо, не случайно именно для него в автореферате выделен наибольший объем. Правда, и этот раздел также вызывает ряд замечаний. Это и уже упоминавшееся ранее некритическое восприятие спорной концепции С. Б. Сорочана, в известной степени развитой В. Е. Науменко об установлении в Крыму кондоминиума, т. е. общей системы византийско-хазарского управления. Это также и давний тезис о бегстве в Византийскую Таврику иконопочитателей, спасавшихся от политики императоров-иконоборцев, и объяснение именно этой причиной восстания Иоанна Готского (уже упоминавшаяся монография Ю. М. Могаричева, А. В. Сазанова и их соавторов²⁹⁵ осталась А. Е. Вольфу неизвестной). Это, наконец, и проблема сооружения крепости Саркел и основания фемы Климата, каждая из которых имеет отдельную весомую историографическую традицию изучения, которая, подозреваем, далеко не в полной мере учтена диссертантом. Например, датировка сооружения Саркела именно 839 г., как указано в тексте автореферата, равно как и создание «Херсонской фемы (около 840 г.)»²⁹⁶ по меньшей мере, спорны²⁹⁷. Вместе с тем, наряду, с одной стороны, с изложением общеизвестных фактов из истории экономической жизни населения византийской части Крыма, а с другой – малообоснованными предположениями, раздел содержит и достаточно ценные обобщающие наблюдения.

Наконец, четвертый раздел «Экономические связи крымских ромеев с восточными славянами в период раннего средневековья»²⁹⁸ содержит достаточно профессиональную обобщающую характеристику экономических контактов населения исследуемого макрорегиона. Однако при этом одно из главных вынесенных в новизну утверждений все же остается недостаточно освещенным.

Речь идет о «весомой роли кочевых племен и кочевников раннегосударственных образований в установлении и подъеме торгового обмена между крымскими городами и населением Среднего Поднепровья»²⁹⁹. К сожалению, в исследовании недостаточно показано, каким образом, какими способами эта «весомая роль» воплощалась в жизнь на практике. С другой стороны, не вызывает никаких возражений почти хрестоматийно сформулированный вывод А. Е. Вольфа о том, что «с консолидацией восточного славянства и, особенно, с образованием Киевского государства, указанные контакты значительно расширились и постепенно стали непосредственными, с одной стороны, за счет военно-политической активности русских князей в Северном Причерноморье и, с другой, – вследствие усиления культурных влияний Византии на Русь, в чем значительную роль играли города византийского Крыма, прежде всего Херсон»³⁰⁰.

Завершая обзор, должны назвать еще несколько диссертационных исследований, которые могут быть интересны с точки зрения византистики. Поскольку они выходят за пределы этой дисциплины, и их анализ находится за рамками совершенного нами обзора, ограничимся краткой упоминанием.

12 мая 2009 в Львовском национальном университете имени Ивана Франко состоялась защита диссертации *Игоря Евгеньевича Шника «Болгарско-украинские религиозно-культурные связи (последняя четверть XIV – первая половина XVI в.)»*³⁰¹, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Важным контекстом исследования является взаимодействие культур украинского и болгарского народов в цивилизационно-культурном поле, в частности, в плане общей рецепции византийского наследия, поскольку как Болгария, так и Украина находились в сфере влияния одного цивилизационного центра – Византийской империи. Важную роль в сохранении византийского наследия во времена упадка и падения империи играла именно Болгария – ближайшая географически к имперским владениям страна, которая благодаря этому стала для других земель посредником в религиозно-культурных контактах с Византией и ретранслятором культурного наследия империи после ее гибели.

16 октября 2009 г. в Днепропетровском национальном университете имени Олеся Гончара состоялась защита кандидатской диссертации по философии *«Этико-сотериологическая концепция эроса в православной религиозно-философской традиции» Александра Михайловича Шаталовича*³⁰². В исследовании автор, в частности, осуществил классификацию понятия «эрос» на материалах византийской православной традиции по трем признакам. По признаку природы существуют сверхъестественный (Божественный) и естественный (человеческий, который делится на естественно-духовный и естественно-телесный) Эрос. По признаку добродетели выделены первоначальный (духовный до соединения с Богом и телесный к созданию первого супружества) и искаженный (тяготение к земным благам). Наиболее детализированной является классификация по признаку направленности: «духовный эрос (стремление души к Богу, характеризующееся недопустимостью телесных проявлений эроса), душевный эрос (стремление к красоте души другого человека без телесных проявлений похоти), духовно-телесный эрос (стремление супругов к Богу в духовно-телесном соединении), душевно-телесный эрос (влечение супругов к душевно-телесному еди-

нению, характеризующееся доминирующим стремлением к душевной красоте, без акцента на сотериологических составляющих), умеренно-чувственный эрос (стремление супругов к телесному соитанию в браке для погашения развратной похоти), похотливо-чувственный эрос (развратное и губительное стремление к телесной красоте и наслаждению, соотносится с сатанинской страстью)»³⁰³.

4 декабря 2009 г. в Таврическом национальном университете имени В. И. Вернадского состоялась защита диссертации *Дмитрия Евгеньевича Музы «Социокультурная идентичность восточнохристианской цивилизации в контексте глобальных трансформаций»*³⁰⁴, представленной на соискание ученой степени доктора философских наук. Работа интересна для византистов как исследованием бытования «Византии после Византии», сохранения и трансляции византийской цивилизационной традиции после гибели империи и ее роли в современном мире, так и представлением современного философского осмысления византийской и, главное, пост-византийской христианской цивилизации. Говоря о восточнохристианском мире, как одном из «проектировщиков» Истории, диссертант, вслед за С. С. Аверинцевым, отмечает, что «православное творческое задание включало в свой состав два момента: «быть миром миров» и «быть под знаком истинной веры», и доказывает, что «именно эта задача была инвариантом в исторической жизни восточнохристианской цивилизации в пост-византийскую эпоху»³⁰⁵.

* * *

Подводя некоторые итоги анализа состояния современного украинского византиноведения на основании обзора диссертационных исследований, защищенных в 2009–2011 гг., стоит обратить внимание на профессиональную разноплановость и расширение исследовательской географии отечественной византистики. В то же время приходится констатировать отсутствие общего профессионального поля, определенной платформы, которая объединяла бы украинских византистов, прежде всего специализированного византистического журнала и активно действующего Украинского национального комитета византистов. Они должны взять на себя прежде всего информационно-организационную функцию по формированию библиографии (как общей базы данных, так и текущих публикаций) украинской византистики, обеспечению аннотирования и рецензирования новейших отечественных научных работ в этой области, распространению информации о защите диссертаций по византистике среди специалистов, информированию мирового сообщества об исследованиях украинских ученых т. д.

¹ Iorga N. Byzance après Byzance: Continuation de l'histoire de la vie byzantine. – Bucarest, 1935.

² Яковенко Н. Вступ до історії. – К., 2007; Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Вид. третє, перероблене та розширене. – К. 2006.

³ Наталя Яковенко: «Підручник української історії залишається bastіоном ура-патріотизму» (Ганна ТРЕГУБ) // День. Щоденна всеукраїнська газета. – № 215–216, п'ятниця, 25 листопада 2011. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.day.kiev.ua/219618> Доступ: 1.12.2011.

- ⁴ Наталя Яковенко про візантиністику в Україні [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/11/25/news-265/> Доступ: 1.12.2011.
- ⁵ Поїхав по стипендії за кордон – залишився без роботи [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.civica.org/news/print.html?q=1599632> Доступ: 1.12.2011.
- ⁶ *См. також:* Катерина Ковальчук про візантиністику в Україні [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/04/22/news-39/> Доступ: 1.12.2011.
- ⁷ Захист дисертацій // Василевс. Українська візантиністика. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/disser/> Доступ: 1.12.2011.
- ⁸ Домановский А. Н. Диссертации по византистике, защищенные в Украине в 2007–2009 гг. (краткий обзор) // Мир Византии. Проблемы истории Церкви, армии и общества / Отв. ред. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. – Армавир; Волгоград, 2011. – С. 220–267; *Его же*. Проблемы византистики у диссертационных исследованиях, защищенных в Украине у 2007–2009 гг. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – № 939. – Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вип. 14. – С. 70–90.
- ⁹ *См.: Домановський А. М.* Проблеми візантиністики у дисертаційних дослідженнях, захищених в Україні у 2007–2009 рр. – С. 71–72.
- ¹⁰ Сходознавство і візантологія в Україні в іменах: біобібліогр. слов. / упоряд.: Е. Г. Циганкова, Ю. М. Кочубей, О. Д. Василюк; редкол.: Матвеева Л. В. (голов. ред.) [та ін.]. – К., 2011.
- ¹¹ Файда О., Домановський А. Візантиністика на українських теренах: від XIX ст. до сучасності // Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лило І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів, 2011. – С. 631–632.
- ¹² Домановский А. Н., Сорочан С. Б. Харьковская византистика: истоки, история, перспективы // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов. – М., 2011. – С. 90–96.
- ¹³ Гончаревський В. Е. Цивілізаційний підхід до історії: сучасний український досвід (1991–2009). – К., 2011.
- ¹⁴ *Там же*. – С. 115–116.
- ¹⁵ *Там же*. – С. 116.
- ¹⁶ Балух В. О. Візантиністика: Курс лекцій / В. О. Балух. – Чернівці, 2006.
- ¹⁷ *См.: Сорочан С. Б., Домановський А. М.* Барвисті брязкальця української візантиністики: «варварські» наслідування в очікуванні на варварів? // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. – Вип. 9–10: Patria. – Харків, 2008. – С. 335–371.
- ¹⁸ Гончаревський В. Е. Цивілізаційний підхід до історії. – С. 119.
- ¹⁹ *Там же*. – С. 157–158.
- ²⁰ Віднянський С. В. Стан, проблеми та перспективи досліджень зі всесвітньої історії в Україні // Український історичний журнал. – 2010. – № 5. – С. 173; *см. також: Віднянський С. В.* Стан і перспективи наукових досліджень із всесвітньої історії в Україні (Наукова доповідь на засіданні Вченої ради Інституту історії України НАН України 27 травня 2010 р.) // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. – К., 2010. – № 19. – С. 312.
- ²¹ Грицак Я. Українська історіографія. 1991–2001: Десятиліття змін // Україна модерна. – К.; Львів, 2005. – С. 50.
- ²² Віднянський С. В. Стан, проблеми та перспективи досліджень зі всесвітньої історії в Україні. – С. 166; *см. також: Віднянський С. В.* Стан і перспективи наукових досліджень із всесвітньої історії в Україні (Наукова доповідь на засіданні Вченої ради Інституту історії України НАН України 27 травня 2010 р.) – С. 303.
- ²³ Віднянський С. В. Стан, проблеми та перспективи досліджень зі всесвітньої історії в Україні. – С. 173; *см. також: Віднянський С. В.* Стан і перспективи наукових досліджень із всесвітньої історії в Україні (Наукова доповідь на засіданні Вченої ради Інституту історії України НАН України 27 травня 2010 р.) – С. 312.
- ²⁴ Файда О., Домановський А. Візантиністика на українських теренах: від XIX ст. до сучасності. – С. 631–633.
- ²⁵ Домановский А. Н., Файда О. В. Международный симпозиум «Номо Byzantinus среди идей и вещей» (Харьков, 1 июля 2010 г.) // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2011. – С. 390–398; *Их же*. Проблемы византиноведения в современной Украине (Харьков, 25–27 октября 2007 г.) // ВВ. – 2010. – Т. 69 (94). – С. 391–392;

Их же. Міжнародний симпозіум «Homo Byzantinus серед ідей та речей» // УІЖ. – 2011. – № 1. – С. 222–228.

²⁶ *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2009. – 18 с.

²⁷ *Там же.* – С. 3.

²⁸ *Там же.* – С. 6.

²⁹ *Там же.* – С. 6–7.

³⁰ *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – 352 с.

³¹ *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. – С. 7–8.

³² *Там же.* – С. 8–9.

³³ *Там же.* – С. 8.

³⁴ *Рейда Р. М.* «Готські» війни та античні держави Північного Надчорномор'я: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2009. – С. 10.

³⁵ *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. – С. 9.

³⁶ *Там же.* – С. 9–10.

³⁷ *Там же.* – С. 10.

³⁸ *Там же.* – С. 10–12.

³⁹ *Храпунов М. И.* 3 приводу входження Боспору до складу Візантії // Археологія. – 2005. – № 1. – С. 29–36; *Его же.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // *Vita antiqua.* – 2003. – № 5–6. – С. 171–178; *Его же.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Сб. науч. матер. III Боспорских чтений, Керчь, 20–23 мая 2002 г. – Керчь, 2002. – С. 253–254.

⁴⁰ *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. – С. 10.

⁴¹ *См.: Болгов Н. Н.* Боспор Византийский: очерки истории // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 6. – М.; Магнитогорск, 1998. – С. 116–123; *Его же.* К проблеме локальных территориально-хозяйственных комплексов позднего Боспора (Китей IV–V вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 3. – Ч. 1. – М.; Магнитогорск, 1996. – С. 82–87; *Его же.* Крымское Приазовье – локальная микрizona позднего Боспора (конец III – VI вв.) // Археологія. – 1999. – № 1. – С. 173–177; *Его же.* Локальный территориально-хозяйственный комплекс (Китей и его округа в IV–VI вв.) / Н. Н. Болгов // Древности 2004. – Харьков, 2004. – С. 179–184; *Его же.* Между империей и варварами: финал античности на Боспоре // Україна в Центрально-Східній Європі. – Вип. 4. – К., 2004. – С. 39–76; *Его же.* О характере отношений Боспора с гуннами в IV–VI вв. // Боспор и античный мир. Сборник научных трудов в честь проф. Е. А. Молева. – Нижний Новгород, 1997. – С. 21–29; *Его же.* Позднеантичный Боспор как этноконтактная зона // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 6–10; *Его же.* Позднеантичный Боспор: между античностью и средневековьем // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 29–40; *Его же.* Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, 2002; *Его же.* Территориально-хозяйственные микрзоны на Боспоре (дескриптивный обзор) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – СПб., 2001. – С. 235–241.

⁴² *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. – С. 10–11.

⁴³ *Там же.* – С. 12.

⁴⁴ *Там же.* – С. 12–13.

⁴⁵ *Там же.* – С. 13.

⁴⁶ *Чеканов В. Ю.* Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2009. – 18 с.

⁴⁷ *Файда О. В.* Візантиністика в Київській Духовній Академії в 1819–1919 рр.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Львів, 2006.

⁴⁸ *Чеканов В. Ю.* Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 1.

- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Файда О. В. Візантиністика в Київській Духовній Академії в 1819–1919 рр.: Автореф. – С. 1–2.
- ⁵¹ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 1–2.
- ⁵² Чеканов В. Візантиністика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»? // Історіографічні дослідження в Україні. – К., 2011. – Вип. 21. – С. 46–55.
- ⁵³ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 2–3.
- ⁵⁴ Там же. – С. 5–7.
- ⁵⁵ Там же. – С. 4–5.
- ⁵⁶ Коцур А. П., Коцур В. П. Історіографія історії України: Курс лекцій. Навчальний посібник. – К., 1996.
- ⁵⁷ Коцур А. П., Коцур В. П. Історіографія історії України: Курс лекцій: Навч. посіб. для студ. іст. спец. Вузів. – Чернівці, 1999. – 519 с.; см. рецензію: Ричка В. За ким б'ють у «литаври»? // Український гуманітарний огляд. – 2000. – Вип. 4. – С. 138–142.
- ⁵⁸ Щербань Т. О. Візантійсько-слов'янські відносини XIV століття у висвітленні професора Т. Д. Флоринського // Східний світ. – 2002. – № 1. – С. 18–31; *Ее же*. Тимофій Дмитрович Флоринський. – К., 2004.
- ⁵⁹ Лиман С. И., Сорочан С. Б. История Византии в творчестве киевского профессора Ф. А. Терновского (1838–1884 гг.) // Мир Византии. Материалы междунаро. науч. семинара. – Белгород, 2007. – С. 182–193; *Их же*. Ф. А. Терновский (1838–1884) – исследователь истории Византии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. Экономика. – 2007. – № 1(32). – С. 11–19.
- ⁶⁰ Матвеева Л. Юлиан Кулаковский. – К., 2002.
- ⁶¹ Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. – 2-е изд., перераб., исправ. и доп. – СПб., 2004; см. *также рецензію на обе эти работы*: Домановський А. М. Два обличчя Юліана Кулаковського // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. – Харків, 2005. – Т. 11. – С. 331–345.
- ⁶² Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. – К., 1999.
- ⁶³ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 6–7.
- ⁶⁴ Терновский Ф. Изучение византийской истории и её тенденциозное приложение в Древней Руси. – Киев, 1875.
- ⁶⁵ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 8–9.
- ⁶⁶ Там же. – С. 9–11.
- ⁶⁷ Там же. – С. 10.
- ⁶⁸ Там же. – С. 12–13.
- ⁶⁹ Там же. – С. 11.
- ⁷⁰ Там же. – С. 12; Чеканов В. Візантиністика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»? – С. 49–50.
- ⁷¹ Яковенко Н. Вступ до історії / Н. Яковенко. – К., 2007. – С. 162–163.
- ⁷² Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 12.
- ⁷³ Там же. – С. 13–14.
- ⁷⁴ Чеканов В. Візантиністика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»?
- ⁷⁵ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 14.
- ⁷⁶ Там же; Чеканов В. Візантиністика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»? – С. 52–53.
- ⁷⁷ Лиман С. И. Средневечные цивилизации Западной, Центральной та Південно-Східної Європи: до-свід досліджень в українських землях Російської імперії (1804 – перша половина 1880-х рр.): Автореф. дис. ... докт. іст. наук. – Харків, 2010. – 36 с.; см. *также монографію, подготовленную*

на основе диссертации: Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). – Харьков, 2009.

⁷⁸ Лиман С. И. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної та Південно-Східної Європи. – С. 25.

⁷⁹ Лиман С. И., Сорочан С. Б. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1885 гг.) // Східний світ. – 2006. – № 1. – С. 71–86; *Их же*. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1917) // Дриновський збірник. – Т. 2. – Харків; Софія, 2008. – С. 51–68; *Их же*. Византия в трудах историков Новороссийского (Одесского) университета (середина 60-х – первая половина 80-х гг. XIX в.) // Дриновський збірник. – Х.; Софія, 2009. – Т. 3. – С. 308–326; *Их же*. Византия в трудах историков украинских земель Российской империи в 1804–1874 гг. // Stratum plus. – СПб., Кишенёв; Бухарест; Одесса, 2003–2004. – Вып. 5: Мастера средневековья. – С. 485–508; *Их же*. Византия в трудах историков украинских земель Российской империи в 1874–1885 гг. // Stratum plus. – СПб.; Кишенёв; Одесса; Бухарест, 2005–2009. – Вып. 5. – С. 500–523; *Их же*. Виктор Иванович Григорович как византист: херсонско-одесский период его научно-педагогической деятельности (1864–1876) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2009. – № 852. – Серія: Історія. – С. 293–303; *Их же*. Деятельность императора Юстиниана I в оценках исследователей украинских земель Российской империи (1804–1885) // Власть, общество и церковь в Византии: сб. науч. статей. – Армавир, 2007. – С. 239–257; *Их же*. История Византии в творчестве киевского профессора Ф. А. Терновского (1838–1884 гг.) // Мир Византии. Материалы международ. науч. семинара. – Белгород, 2007. – С. 182–193; *Их же*. История изучения Византии в южных губерниях Российской империи (1804–1874 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. – М., 2007. – Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – Вып. 4 (21). – С. 7–52; *Их же*. Харьковский период научно-педагогической деятельности Александра Петровича Зернина (1821–1866) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2007. – № 762. – Серія: Історія. – С. 239–251; *Их же*. Візантія і Русь у працях істориків українських земель Російської імперії в 1804–1874 гг. // Слов'янські обрії. – Вып. 1. – К., 2006. – С. 471–478.

⁸⁰ Лиман С. И. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної та Південно-Східної Європи. – С. 23–24.

⁸¹ Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? – С. 439–461.

⁸² Там же. – С. 461–512.

⁸³ Лиман С. И. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної та Південно-Східної Європи. – С. 23–24.

⁸⁴ Там же. – С. 24.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Чеканов В. Византистика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»? – С. 53.

⁸⁷ Там же. – С. 53–54.

⁸⁸ Там же. – С. 53.

⁸⁹ См.: Домановський А. Н., Сорочан С. Б. Харьковская византистика: истоки, история, перспективы. – С. 93–94.

⁹⁰ Домановський А. М. Сторінка з історії харківської візантиністики (про спробу перекладу «Книги Епарха» в Харківському університеті) // Проблеми періодизації історії та історіографічного процесу: Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2002. – С. 101–106.

⁹¹ Домановський А. Н., Сорочан С. Б. Харьковская византистика: истоки, история, перспективы. – С. 94–95; Домановська М. С. Василь Карлович Надлер (1840–1894) як візантиніст // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2011. – № 939. – Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вып. 14. – С. 40.

⁹² Фомін М. В. Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 2010. – 20 с.; см. також монографію, подготовлену на основі диссertaції: Фомін М. В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.) / М. В. Фомин. – Харьков, 2011. – 290 с.

⁹³ Фомін М. В. Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – с. 5; *Его же*. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). – С. 29.

⁹⁴ Сорочан С. Б. Гробничное дело в византийском Херсоне (VI–X вв.) // Боспорские исследования. – Симферополь, 2005. – Вып. 9. – С. 159–211.

- ⁹⁵ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – С. 1031–1095.
- ⁹⁶ *Фомін М. В.* Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – С. 1.
- ⁹⁷ *Там же.* – С. 4–7.
- ⁹⁸ *Там же.* – С. 4–6.
- ⁹⁹ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 63.
- ¹⁰⁰ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003.
- ¹⁰¹ *Там же.* – С. 24, 25, 51.
- ¹⁰² *Латишева О. В.* Християнська церква та релігійне життя у візантійському Херсоні (VI–X ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 2009. – 24 с.; *Домановський А. М.* Проблеми візантиністики у дисертаційних дослідженнях, захищених в Україні у 2007–2009 рр. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – № 939. – Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вип. 14. – С. 83–85.
- ¹⁰³ *Фомін М. В.* Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – С. 6–7.
- ¹⁰⁴ *Фомін М. В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). – С. 29–37.
- ¹⁰⁵ *Фомін М. В.* Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – С. 7–10.
- ¹⁰⁶ *Там же.* – С. 8–9.
- ¹⁰⁷ *Там же.* – С. 9.
- ¹⁰⁸ *Там же.* – С. 9–10.
- ¹⁰⁹ *Там же.* – С. 10–12.
- ¹¹⁰ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. – С. 64–67, 82–86.
- ¹¹¹ *Фомін М. В.* Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – С. 11.
- ¹¹² *Там же.* – С. 10.
- ¹¹³ *Там же.* – С. 11.
- ¹¹⁴ *Там же.* – С. 13.
- ¹¹⁵ *Там же.* – С. 12.
- ¹¹⁶ *Там же.* – С. 13.
- ¹¹⁷ *Хапаєв В. В.* Візантійський Херсон у другій половині X – першій половині XI ст.: проблема руйнування міста: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2010. – 20 с.
- ¹¹⁸ *Там же.* – С. 7–9.
- ¹¹⁹ *Там же.* – С. 1.
- ¹²⁰ *Там же.* – С. 4–7.
- ¹²¹ *Там же.* – С. 9–10.
- ¹²² *Там же.* – С. 10–12.
- ¹²³ *Там же.* – С. 10.
- ¹²⁴ *Там же.* – С. 11.
- ¹²⁵ *Там же.* – С. 11–12.
- ¹²⁶ *Там же.* – С. 12–15.
- ¹²⁷ *Там же.* – С. 15.
- ¹²⁸ *Там же.* – С. 12.
- ¹²⁹ *Там же.* – С. 13–15,
- ¹³⁰ *Там же.* – С. 14.
- ¹³¹ *Там же.*
- ¹³² *Там же.* – С. 3, 11–12.
- ¹³³ *Там же.* – С. 14–16.
- ¹³⁴ *Там же.* – С. 4.
- ¹³⁵ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Чернівці, 2010. – 20 с.
- ¹³⁶ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Одеса, 2008. – 15 с.; *Доманов-*

ський А. М. Проблеми візантиністики у дисертаційних дослідженнях, захищених в Україні у 2007–2009 рр. – С. 76–78.

¹³⁷ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 1.

¹³⁸ *Там же.*

¹³⁹ *Там же.*

¹⁴⁰ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 1.

¹⁴¹ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 10; *см. так же: Луговий О. М.* Підрозділи Рос та Варангів у відносинах Візантії та Русі в X–XI ст. // Дриновський збірник. – Т. 3. – Харків; Софія, 2009. – С. 366–367.

¹⁴² *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 14.

¹⁴³ *Там же.* – С. 1.

¹⁴⁴ *Там же.*

¹⁴⁵ *Там же.*

¹⁴⁶ *Там же.* – С. 2–4.

¹⁴⁷ *Там же.* – С. 5–8.

¹⁴⁸ *Там же.* – С. 5–7.

¹⁴⁹ *Там же.* – С. 6.

¹⁵⁰ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 6.

¹⁵¹ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 5.

¹⁵² *Там же.* – С. 7–8.

¹⁵³ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 4.

¹⁵⁴ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 8.

¹⁵⁵ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 4.

¹⁵⁶ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 7.

¹⁵⁷ *Там же.* – С. 8–10.

¹⁵⁸ *Там же.* – С. 9.

¹⁵⁹ *Там же.*

¹⁶⁰ *Там же.*

¹⁶¹ *Там же.* – С. 10.

¹⁶² *Там же.*

¹⁶³ *Там же.* – С. 10–12.

¹⁶⁴ *Там же.* – С. 11.

¹⁶⁵ *Там же.* – С. 12.

¹⁶⁶ *Там же.* – С. 12–13.

¹⁶⁷ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 9–10.

¹⁶⁸ *Там же.* – С. 9.

¹⁶⁹ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 12.

¹⁷⁰ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 11.

¹⁷¹ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 13; *ср.: Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 10.

¹⁷² *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 13–16.

¹⁷³ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 7, 14.

¹⁷⁴ Пуховець Д. С. Внутрішньополітична діяльність Константина Великого (306–337 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2010. – 18 с.

¹⁷⁵ Там же. – С. 1.

¹⁷⁶ Там же. – С. 4–7.

¹⁷⁷ Там же. – С. 7.

¹⁷⁸ См.: там же. – С. 2.

¹⁷⁹ Там же. – С. 4–7.

¹⁸⁰ Там же. – С. 8–9.

¹⁸¹ Там же. – С. 9.

¹⁸² Там же. – С. 9–11.

¹⁸³ Там же. – С. 10.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. – С. 11.

¹⁸⁷ Там же. – С. 11–13.

¹⁸⁸ Там же. – С. 12.

¹⁸⁹ Там же. – С. 13–14.

¹⁹⁰ Там же. – С. 14.

¹⁹¹ Там же. – С. 2–3.

¹⁹² Морозова Д. С. Тема людини та довкілля у візантійській аскетичній традиції: Автореф. дис. ... канд. культурології. – К., 2010. – 19 с.

¹⁹³ Там же. – С. 1–2.

¹⁹⁴ Там же. – С. 1.

¹⁹⁵ Там же. – С. 4–6.

¹⁹⁶ Там же. – С. 4.

¹⁹⁷ Там же. – С. 5–6.

¹⁹⁸ Там же. – С. 5.

¹⁹⁹ Там же. – С. 6.

²⁰⁰ Там же. – С. 6–8.

²⁰¹ Там же. – С. 6–7.

²⁰² Там же. – С. 6.

²⁰³ Там же. – С. 7.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. – С. 7–8.

²⁰⁶ Там же. – С. 8.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. – С. 9–11.

²⁰⁹ Там же. – С. 9.

²¹⁰ Там же. – С. 9–10.

²¹¹ Там же. – С. 10.

²¹² Там же. – С. 10–11.

²¹³ Чорноморець Ю. П. Еволюція візантійського неоплатонізму: Автореф. дис. ... докт. філософ. наук. – К., 2011. – С. 8–9.

²¹⁴ Морозова Д. С. Тема людини та довкілля у візантійській аскетичній традиції: Автореф. – С. 11.

²¹⁵ Там же. – С. 11–14.

²¹⁶ Там же. – С. 12.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. – С. 11–12.

²¹⁹ Там же. – С. 12–13.

²²⁰ Там же. – С. 13.

²²¹ Там же.

²²² Там же.

²²³ Там же. – С. 14–15.

²²⁴ Там же. – С. 15, см. также: с. 4.

- ²²⁵ *Мінець Ю. О.* Творчість Палладія Еленопольського в контексті формування ідеалів християнського життя: історико-соціальний аспект: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2010. – 20 с.
- ²²⁶ *Там же.* – С. 1.
- ²²⁷ *Там же.* – С. 4–5.
- ²²⁸ *Там же.* – С. 5–7.
- ²²⁹ *Там же.* – С. 6.
- ²³⁰ *Там же.* – С. 7.
- ²³¹ *Там же.* – С. 7–10.
- ²³² *Там же.* – С. 7.
- ²³³ *Там же.* – С. 8.
- ²³⁴ *Там же.* – С. 9.
- ²³⁵ *Там же.* – С. 10.
- ²³⁶ *Там же.* – С. 10–14.
- ²³⁷ *Там же.* – С. 10–11.
- ²³⁸ *Там же.* – С. 11–12.
- ²³⁹ *Там же.* – С. 12.
- ²⁴⁰ *Там же.* – С. 13–14.
- ²⁴¹ *Там же.* – С. 14–16.
- ²⁴² *Там же.* – С. 3.
- ²⁴³ *Чорноморець Ю. П.* Еволюція візантійського неоплатонізму: Автореф. дис. ... докт. філософ. наук. – К., 2011. – 24 с.; *см. также монографию, подготовленную на основе диссертации: Чорноморець Ю. П.* Візантійський неоплатонізм від Діонісія Ареопажита до Геннадія Схолярія. – К., 2010.
- ²⁴⁴ *Чорноморець Ю. П.* Еволюція візантійського неоплатонізму: Автореф. – С. 1.
- ²⁴⁵ *Там же.* – С. 3.
- ²⁴⁶ *Там же.* – С. 7–10.
- ²⁴⁷ *Там же.* – С. 7–8.
- ²⁴⁸ *Там же.* – С. 8.
- ²⁴⁹ *Там же.* – С. 10–13.
- ²⁵⁰ *Там же.* – С. 8–9.
- ²⁵¹ *Там же.* – С. 10–11.
- ²⁵² *Там же.* – С. 11–12.
- ²⁵³ *Там же.* – С. 12.
- ²⁵⁴ *Там же.* – С. 12–13.
- ²⁵⁵ *Морозова Д. С.* Тема людини та довкілля у візантійській аскетичній традиції: Автореф. – С. 6–8, 10–11.
- ²⁵⁶ *Чорноморець Ю. П.* Еволюція візантійського неоплатонізму: Автореф. – С. 13–15.
- ²⁵⁷ *Там же.* – С. 14.
- ²⁵⁸ *Там же.* – С. 11.
- ²⁵⁹ *Там же.* – С. 14.
- ²⁶⁰ *Там же.* – С. 14–15.
- ²⁶¹ *Там же.* – С. 15–16.
- ²⁶² *Там же.*
- ²⁶³ *Там же.* – С. 16.
- ²⁶⁴ *Там же.* – С. 16–18.
- ²⁶⁵ *Там же.* – С. 16–17.
- ²⁶⁶ *Там же.* – С. 17.
- ²⁶⁷ *Там же.* – С. 17–18.
- ²⁶⁸ *Там же.*
- ²⁶⁹ *Там же.* – С. 18–19.
- ²⁷⁰ *Вольф О. Є.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Чернівці, 2011. – 20 с.
- ²⁷¹ *См.: Сорочан С. Б.* «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // *Хазарский альманах.* – М., 2003. – Т. 2. – С. 77–98; *Его же.* Боспор как византийско-хазарский кондоминиум // *Боспор Киммерийский и Понт в период античности*

и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 145–150; *Его же*. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры; Его же. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543; *Его же*. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – К., 2007. – Вип. 7. – С. 44–70; *Его же*. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // Хазарский альманах. – К.; Харьков, 2007. – Т. 6. – С. 201–222.

²⁷² *Вольф О. Е.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 2.

²⁷³ *Там же*.

²⁷⁴ *Там же*.

²⁷⁵ *Там же*. – С. 3.

²⁷⁶ *Там же*. – С. 4–5.

²⁷⁷ *Там же*. – С. 15–16.

²⁷⁸ *Там же*. – С. 5.

²⁷⁹ *Там же*. – С. 15.

²⁸⁰ *Там же*. – С. 16.

²⁸¹ *Там же*. – С. 6–8.

²⁸² *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф.

²⁸³ *Кузовков В. В.* Хозарський каганат в системі міжнародних відносин (VII–X ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Донецьк, 2009. – 18 с.

²⁸⁴ *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы: вторая половина VII – третья четверть X вв. – Харьков, 2006; *Его же*. Алано-болгарське населення північно-західної Хазарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. – Харків, 2007. – 36 с.

²⁸⁵ *Науменко В. Є.* Таврика у контексті візантійсько-хозарських відносин: політико-адміністративний аспект. – К., 2004. – 22 с.

²⁸⁶ *Вус О. В.* Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї: інженерний захист Таврики та Боспора в кінці IV – на початку VII ст. – Львів, 2010.

²⁸⁷ *Могаричев Ю. М.* Византийский Крым. Крым в VI–XII вв. / Ю. М. Могаричев. – Симферополь, 2008; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. – Симферополь, 2009; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007.

²⁸⁸ *Вольф О. Е.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 7.

²⁸⁹ *Там же*. – С. 9.

²⁹⁰ *Там же*.

²⁹¹ *Там же*. – С. 3–4.

²⁹² Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья.

²⁹³ *Вольф О. Е.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 10–11.

²⁹⁴ *Там же*. – С. 11–14.

²⁹⁵ *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода»; *Сорочан С. Б.* «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // Хазарский альманах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 77–98.

²⁹⁶ *Вольф О. Е.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 11.

²⁹⁷ *Из последних работ об этом см.: Науменко В. Е.* Византийская фема в Юго-Западной Таврике в IX–X вв. (по данным письменных и археологических источников) // Византия и Крым. Тезисы докладов Международной конференции. – Симферополь, 1997. – С. 67–68; *Его же*. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1998. – Вып. 6. – С. 689–700; *Его же*. Учреждение и развитие ви-

- зантийской фемы в Таврике // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 23–30; *Его же*. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике (по данным археологических и письменных источников) // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Харьков, 1995. – С. 106–107; *Никифоров М. А.* К вопросу о дате учреждения византийской фемы в Крыму // Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 25–31 мая 2008 г. Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2009. – С. 39–40; *Его же*. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2009. – Вып. 15. – С. 550–560; Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – С. 489–581; *Сорочан С. Б.* Еще раз о времени создания византийской фемы в Крыму // Классическая и византийская традиция. 2009. Материалы III международного научного семинара. – Белгород, 2009. – С. 179–181; *Его же*. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2011. – С. 350–352; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 312–323.
- ²⁹⁸ *Вольф О. Є.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 14–15.
- ²⁹⁹ *Там же*. – С. 15.
- ³⁰⁰ *Там же*.
- ³⁰¹ *Шпик І. Є.* Болгарсько-українські релігійно-культурні зв'язки (остання чверть XIV – перша половина XVI ст.). – Львів, 2009.
- ³⁰² *Шаталович О. М.* Етико-сотеріологічна концепція еросу в православній релігійно-філософській традиції: Автореф. дис. ... канд. філософ. наук. – Дніпропетровськ, 2009. – 18 с.
- ³⁰³ *Там же*. – С. 12.
- ³⁰⁴ *Муза Д. Є.* Соціокультурна ідентичність східнохристиянської цивілізації в контексті глобальних трансформацій: Автореф. дис. ... докт. філософ. наук. – Симферополь, 2009; *Его же. Є.* Східнохристиянська цивілізація: соціокультурний устрій та ідентичність. – Донецьк, 2009.
- ³⁰⁵ *Муза Д. Є.* Соціокультурна ідентичність східнохристиянської цивілізації в контексті глобальних трансформацій: Автореф. – С. 16.